

Ежемесячное издание Литературный меридиан

Декабрь 2010 г. № 14 (38)

В.К. АРСЕНЬЕВ

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
ICQ 223-267-185
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

**Автор фотографии на обложке
архиепископ Хабаровский и
Приамурский Марк.**

Ежемесячник издаётся при поддержке изда-
тельского центра «Милицейский вестник»,
г. Арсеньев Приморского края

ББК 84.Р6
Л 642

Л 642 Литературный меридиан: альманах.
Арсеньев, ОАО «Типография № 6», 80 с.

ISBN 5-06-000912-1

ISBN 5-06-000912-1

ББК 84.Р6

© Литературный меридиан: альманах, 2010

Дорогие друзья!

Не нами заведено, что быстротечные дни, сгорая, искрятся бессонными синезвёздными ночами, и на смену вдохновению листопадов приходит ностальгия холодов. Таковы законы жизни, однако, преодолевая сутолоку событий, хочется верить, что всё, происходящее с нами, случается только к лучшему.

За окном – декабрьская позёмка, и вы держите в руках четырнадцатый номер «Литературного меридиана», который сотрудники редколлегии решили сделать особенным по оформлению и содержанию. Традиционные 5 печатных листов мы разверстали в книжном формате, поместив на страницы издания замечательные стихи, рассказы, публицистические заметки наших постоянных и новых авторов из разных уголков России.

Хочется верить, что труды редколлегии не были напрасными и каждый из вас в свежем номере «Литмеридиана» прочитает строки, которые найдут тёплый отклик в вашем сердце.

И будем надеяться, что ежегодный выпуск декабрьских альманахов станет доброй литературной традицией.

Поздравляю вас с приближающимся Рождеством и новолетием.

И – приятного чтения!

Владимир КОСТЫЛЕВ,
главный редактор ежемесячника
«Литературный меридиан»

И СЛОВО БЫЛО – БОГ...

Отрывок из книги «Подорожник», Иркутск, 2006 г, Издатель Сапронов

Прекрасны были эти первые Праздники Славянской письменности! Как они тогда были деятельны и высоки! Они и сейчас никуда не делись. Но теперь это больше концерты и пышные представления, обманчивое «Славься! Славься!», «мероприятия», где больше видны начальство и торжество. А те, первые, были так напряженны, что мы и собирались как-то дружинно, словно оглядывая силы, проверяя себя на крепость, на памятьливость. Это было собиранье растрченного, пересмотр своего исторического достатка: что в дело, что в предание, что в прямой нынешний обиход. Все было: пение, фольклор, выставки, но горело все Словом, нетерпением обдумать, вновь назвать себя. И первыми, конечно, были писатели – святые сооружники Кирилла и Мефодия. Хотелось памятьливой дали, исторического простора, словно легкие слежались и никак было не раздышаться в полную волю. И я очень понимал Владимира Личутина, когда он на втором Празднике в Вологде готов был благословить даже и исторический подлог, коли бы это прибавило таких необходимых тогда сил.

Достоевский однажды сказал, де, если бы и не было Бога, то Его надо было бы придумать.

Переиначивая мысль великого писателя, хочется пожелать, если бы даже культурная история славянства начиналась лишь с принятия христианства, то надобно бы сочинить пару тысячелетий, вернее, протянуть вглубь наше прошлое эдак лет на... сколько хватит фантазии.

Для чего? Чтобы чувствовать себя цельнее, на прочных ногах, а не на глиняных. Всякое укорочение похоже на тугой хомут.

А сколько было всяких хомутов! Обрыдло. Хочется почувствовать именины сердца и долгое родство. А если оно почувствуется, то и откроется вдруг за девятым веком далеко в темень нечто блистательное.

А хомут обрывает всяческие желания.

Валентин! Понаписал бред великий, но в полном разуме. Не брани.

Володя Личутин, безграмотный поморец,

г. Вологда. В Праздник славянский А.Б.В.

27 мая 1987

А я с улыбкой вспомнил потом при чтении этой записи вступление О. Шпенглера к своему «Закату Европы»: «Когда Эпаминонд освободил мессенцев и аркадцев и даровал им государственность, они тотчас придумали себе древнейшую историю». Видно, помолодевшая душа во все времена ищет аристократической древности, чтобы стоять среди старых государств с равноправным достоинством.

Прекрасный питерский прозаик Глеб Александрович Горышин – охотник, странник, исходивший с ружьем Камчатку, Алтай, родной Север, – Алтай любил более всего. Там они с великим экологом Фатеем Яковлевичем Шипуновым затевали Кедрograd на Телецком озере. Там его позвал на коротенькую роль Большого мужика в фильме «Живет такой парень» В. М. Шукшин, и потом они дружили до кончины Василия Макаровича. В семидесятые годы Горышин редактировал журнал «Аврора», и Шукшин всегда тотчас отзывался на просьбу прислать новый рассказ. Редакторство кончилось комически. В 12-м номере Авроры за 1981 год вышел крошечный смешной рассказ Виктора Голявкина «Юбилейная речь». Прошел все цензуры и обкомы и ничего. А тут возьми и исполнись Леониду Ильичу Брежневу 75 лет. И какой-то дотошный молодец из старых кадров, наверно, умевший в тридцатые годы найти в рисунке дерева на школьной тетрадке тень Троцкого или Рыкова, вдруг взял да и сопоставил репутацию Леонида Ильича как великого писателя и его 75-летие с текстом Голявкина, который к тому же «по злодейству» главного редактора и напечатан был на 75-й странице. И побледнел – какова дерзость! Помните рассказик-то? «Трудно представить, что этот чудесный писатель жив... Кажется, будто он умер. Ведь он написал столько книг! Любой человек, написав столько книг, давно бы лежал в могиле. Но этот – поистине нечеловек! Он живет и не думает умирать, ко всеобщему удивлению. Большинство считает, что он давно умер – так велико восхищение этим талантом. Ведь Бальзак, Достоевский, Толстой давно на том свете, как и другие великие классики. Его место там, рядом с ними. Он заслужил эту честь!» Ну, конечно, Ленинградский обком такого понимания голявкинского текста не перенес. Глеба Александровича с шумом и гневом сняли. А он и рад – так хотелось побольше писать самому. Вот на Алтае мы первый раз и встретились. А уж потом в Вологде. Человек дивного чувства юмора, стеснявшийся всякого пафоса, он и тут пошучивал, но внутренний свет Славянского Праздника слышал с той же глубиной, что и Личутин.

Когда я стоял по колено в холодной воде Телецкого озера, удерживая канистру с водкой в стоячем положении, дабы не пролилась, с мыслью выпить холодненького, я не мог вообразить, что через год в Вологде нам с Валентином Курбатовым доведется ждать чего-нибудь тепленького, с той же мыслью – внутренне согреться...

Наряду с этим происходил Праздник Славянской письменности. Хотелось нравственно обняться...

Дай Бог, чтоб это повторялось. В той же последовательности. И хорошо бы дождаться!

Г. Горьшин

27 мая 1987

А романтический поэт Геннадий Панов из Барнаула, тогда еще казавшийся молодым, да и бывший молодым (не зря он был в свой час лауреатом премии комсомола Алтая – этот романтизм не знает возраста), кажется, только глядел кругом жадно, ненасытно, «переводил» «Слово о полку» и горел им («Соколы в небесные объятья /высоко взлетают / м о л о д е т ь ! . . / Не пристало по старинке, братья, /о походе Игоревом петь»). Горел самым воздухом русского Севера, не ведавшего ни татарщины, ни крепостного права и как-то умудрявшегося явственно содержать эту волю в своей вологодской стати. Он уже предчувствовал за горением свой скорый уход, и это сейчас заставляет особенно сжиматься мое сердце при чтении его громкой записи, которую не остужает, а только возвышает уход автора.

После открытия памятника К. Н. Батюшкову и поездки в Феропонтово и Кириллов на земле Вологодской, исконно нашей, русской.

Сонет 13 из венка «Звездный час»

*Миг рожденья. Молодость ума.
Порубежье удали и чести.
Воронье не стоят на месте,
за холмом – история сама.*

*Вещий камень. Карк зловещей птицы.
От истока летописных лет
горсть земли за пазухой хранится –
наш исконно русский амулет.*

*Светорусье – это праздник света,
слово князя, подвиг Пересвета,
мудрая стратегия ума,
ратная стократная отвага
от Кремля седого до рейхстага
звездный час. Горение и – тьма!*

28 мая 1987, Вологда

*Хорошо, что во Дни Славянской письменности мы еще ответственной
осознаем Отечество и наш неоплатный долг перед его прошлым, настоя-
щим и будущим.*

Геннадий Панов

Глубокий знаток русской прозы и славянской мысли минувшего века Иван Рогощенков возглавлял тогда критику журнала «Север». И что это был за журнал! И что за критика в нем! Иван был «в первом воплощении» геолог. И дотошность, «докапывание» этой профессии сослужили ему отличную службу. Он и в критике был геолог, просеивающий тонны породы для крупницы настоящего металла. Мы были немного ревнивы друг к другу – или я это только о себе говорю? – как все люди одной профессии. Тем более мы оба писали о Михал Михалычче Пришвине. Тогда готовилась в «Современнике» его книга «Память и надежды», и сами эпиграфы к ней обнаруживали исповедный принцип критики Ивана. Один был из Пушкина: «Нет убедительности в поношении и нет истины, где нет любви», и второй из любимых Иваном славянофилов, из первого из них – Аксакова: «Всякое творчество требует цельности духа и жизни». И сам был прекрасным примером этой цельности.

Он надеялся тогда на преображение реальности (и он ли один?). И резко и уязвленно писал: «Что в опыте подходит сейчас, что не подходит, что в нем победа, что – поражение, мы разберемся сами, без советов господина Рейгана и его помощников (словно и сам сидел в соседях Виктора Петровича на тогдашнем приеме в ЦДЛ. – В. К.). Счеты между старой Россией и новой сделаем тоже сами, без западных доброжелателей». Увы, все оказалось сложнее, чем мы думали. Свои «доброжелатели» оказались проворнее западных, и всё провернули по чужой подкаске так, что мы не сразу и заметили, что разговоры о «преображении социальной и культурной реальности» уже стали только разговорами, которые уже ничего не меняли. Они не тревожили «доброжелателей» и

чуть ли даже не поощрялись ими, чтобы мы могли тешиться уверенностью, что всё делаем сами и по своему разумению.

Но как мы еще были тогда живы и как искренни, как сильны и как еще прочны в своем доме. В этой короткой записи, сделанной тогда же в Вологде, замечательно отразился равно и его собственный «символ веры», и до сего дня актуальный принцип собирания русского слова, если оно еще хочет собраться.

Ежели, как кажется, Бог и оставил нас, то Он все-таки не лишил нас русской культуры, в которой все есть, которая для нас может стать лестницей к Нему.

Всем надо увидеть эту возможность и в полной мере воспользоваться ею.

И. Рогощенков

29 мая 1987, Вологда

ДАЛЯНСКИЙ МАРШ МИРА

(отрывок из путевого блокнота)

Я снова в Даляне. Необычный город вновь притянул меня, и теперь мне кажется, что мы уже давно знакомы. Море, солнце, замечательный маршрут по побережью с Восьмым международным маршем мира. Китайцев – тысячи, нас, иностранцев, посланцев девяти стран, – единицы. На нас смотрят, улыбаются, фотографируют. И кажется, что мы, представители великой России, выступаем с особой миссией. Мы – миротворцы и должны пройти дистанцию достойно, не ударить в грязь лицом. И всё, в том числе и погода, благоприятствует нашей задаче. Мы шагаем легко, быстро, обгоняя впереди идущих. Нас же обходят считанные единицы. Возможно, это обманчивое впечатление, ведь впереди, куда ни кинешь взгляд, сплошная вереница китайских волкеров.

Да, мне хотелось попробовать свои силы на дистанциях: могу – не могу. Оказалось – «могу», и получаю от этого удовольствие.

На ком останавливается взгляд? На молоденьких парочках, естественно и непринужденно взбирающихся по серпантину маршрута. На пожилых и более старшего возраста парах, которые за долгие годы жизни стали друг для друга так же необходимы, как необходимы человеку – просто рука, голова, шея. Они идут, и между ними неразрывная связь прожитых вместе лет. Они излучают единство.

...А сегодня я плакала после посещения кладбища советских воинов в Порт-Артуре. Плакала потому, что наконец-то поняла смысл нахлынувших на меня здесь год назад чувств.

...Всего год назад было солнечное жаркое лето, и казалось, в тени деревьев парили тонкие прозрачные паутинки. В одной из них жалобно трепыхалась бабочка, а воздух был пронизан острой тоской, такой острой, что я ещё долго не могла прийти в себя после посещения кладбища. И не могла понять, что же со мной происходит...

Теперь я понимаю – это было прощание. Со мной прощались души наших умерших и погибших на чужбине людей. Они не могли ничего сказать и ничего поделать, но, видимо, знали, что лежать их праху здесь останется совсем недолго. И вот какой-то заглянувшей сюда ненадолго особо чувствительной они и поведали о страшной трагедии, которая с ними здесь произошла, остро воздействуя на мир её чувств.

...Посмотри на эти братские могилы, здесь лежат наши рядовые пехотинцы и советские моряки – дата их гибели 1946 год. По семь, по восемь человек в одной могиле. У меня нет времени записать их имена – экскурсия скоротечна. «Вы верно служили Отчизне своей. Народ никогда не забудет защитников социалистической Родины!» – гласит надпись на общей, посвященной их подвигу стеле. Младшие сержанты: **Львов Николай** (1917-1946), **Сафонов Алексей** (1923-1946), **Волков Алексей** (может, Александр, 1918-1946), рядовые – уже без имен (не успела записать, 1923-1946, 1913-1946, 1925-1946... Старшие матросы – одиннадцать человек, год гибели 1946-й. Рядовые – год гибели 1945-й, 1946-й, 1949-й... Вот все, что осталось в моём блокноте.

...Сейчас, спустя почти год, здесь все раскопано, и вместо положенных нескольких памятных плит – я увидела только две, и те уже сильно присыпанные глиной.

А сразу за ними лежали дети семей военных: **Вада Кирилл** (1942-1946), **Парфенов Валя** (1945-1946), **Помоталкин Юра** (1944-1946), **Крутиков Володя** (1945-1946), **Архипов Гена** (1944-1946), **Колесников Боря** (1936-1946), **Лысенко Саша** (1944-1946), **Белов Юра** (1942-1946), **Веретневы Валя** (1935-1946) и **Адольф** (1940-1946), **Рудаков Валерик** (1944-1946), **Сегедова Людмила** (1940-1946), **Ананьина Раиса** (1942-1946), **Боенкова Люба** (1942-1946), **Розенфельд Нина** (1946-1946). Простите, если кого-то пропустила. В одном ряду с этими детьми были похоронены взрослые, на чьем попечении они, видимо, были: **Кондратьев Константин Павлович** (1903-1946), **Козина Анна Федоровна** (1917-1946) и **Мухамедзянов Мирза** (1906-1946).

Я сама дочь офицера советской армии и представляю себя на их месте. У всех одна и та же дата смерти – 1946 год. С ними – 29-летняя молодая женщина и какой-то, должно быть, приставленный к ним солдат постарше. А вот кто третий? Офицер? Все они в одном ряду – в детских могилках с именами и датами рождения: 2 года, 4 года, 6 лет. А вот два братика Веретневы – 4-х и 11-ти лет. Им я сегодня хотела положить гвоздику в знак памяти.

Всему на свете есть предел:
Любви, и счастью, и страданию.
Лишь одному воспоминанию
Бог долговечность дать велел.

Так написано на одной из старых могил Порт-Артурского кладбища. И вот спустя год я не смогла поклониться могилкам безвинных детей, остались только следы от плит, а самих плит уже нет, как нет крестов павшим

русским офицерам в 1904 году. В прошлый мой приезд они стояли сразу же за могилами детей. Теперь многие надгробия порушены, и, по всей вероятности, процесс этот будет еще продолжаться. Один соседний крест повален, другой еще стоит, но весь ряд уже пустой. А за ними – еще и еще кресты. Их тоже не будет?! С горечью читаю: «Гардемарин NN (1904), подпоручик **Александр Федорович Терский** (1904), инспектор госпиталей генерал-майор **В.В. Церпицкий** (1904), братская могила – 8 офицеров (1904), поручик **Лызлов** (1904), штабс-капитан **Астафьев** (1904), капитан **Шеметило** (1904) и другие герои трагических событий русско-японской войны...

Еще год назад здесь росли деревья, теперь они вырублены и могилы оголены. Разрушена сама атмосфера кладбища, его особого духа, который незримо витал под сенью крон.

Китаец Саша – смотритель кладбища – обнадежил, что здесь будут посажены новые деревья...

СУДЬБЫ МОЕЙ ВЕРЕТЕНО

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск

* * *

Вечер разомлел и потянулся,
Хрустнули суставы мостовых.
Звуки из домов вливались в русло
Улиц желтоглазых и кривых.

И никем не различимый шёпот
Жадных губ, молящих о любви,
Был исхлёстан ливневым потоком
Голосов, клаксонов и витрин.

Сон

Смеялись маски и грустили,
В чужую жизнь открылась дверь.
Свой бег часы остановили,
О чём-то плакала свирель.

В шандалах оплывали свечи,
В бокале пенилось вино,
И пел гусар: «Любовь не вечна»,
И барабанил дождь в окно.

Мотив измученный и старый.
Себя предав, его предав,
Смеялась пьяная гитара
И вдруг... споткнулась, зарывав.

* * *

Постигнуть мир в его величье,
Увы, не каждому дано.
Вращает время безразлично
Судьбы моей веретено.

Что беспредельности вселенной
Любовь и горе, быт людской?
Я вижу взгляд её надменный
И слышу голос громовой.

* * *

Одержимый,
так в чём же твоя правота?
Слышишь,
ветер тревожные вести разносит:
Здесь – загублена честь,
там – убита мечта.
Только горе с тоской
твои вечные гости.

Видишь, небо, багровым туманом
дыша,
Предрекает грозу
и чудовищный хаос.
Для чего ты бравируешь
словом «душа»,
Если тело давно на земле
распласталось?

Март

Холодный мартовский рассвет
Рассыпал изморозь по крышам.
С тоской глядят на парапет
Две театральные афиши.

А старой уличной метле
Всю ночь мерещились кошмары.
Бедняжка маялась во сне –
Опять ей снились тротуары.

Спросонья город грохотал
Системой ванн и унитазов,
И в этот утренний скандал
Трамвайная врезалась фраза.

Декабрь

В морозной дымке тонет город,
И зябнет в сумерках квартал.
Смешно увидеть в этом повод,
Чтоб я стихами грохотал.

Друзья разъехались, и бытом
Пропитан каждый новый день.
Как Пастернак, до дыр зачитан
Амбулаторный бюллетень.

* * *

Мне снилось море, ты и я,
И шум классический прибоя.
И солнечная чешуя
Струилась сквозь иголки хвои.
Лениво плыли облака,
И бархатистое сиянье
Напоминало нам слегка
О часе с морем расставанья.
И было так тепло душе,
Так радостно и так спокойно,
Как будто мы не здесь уже
И встретил нас Господь достойно.

По воле Вышней

На нас вниманье обращать –
Пустая трата времени.
Поэтов суетная рать
Без роду и без племени.

В своих скворечниках сидим,
Как воробьи, нахохлившись.
Мы все рассеемся, как дым,
На этом гиблом поприще.

Не мне решать, кому где быть –
На то есть воля Вышняя.
Попробуй небо полюбить
Над улицей Промышленной.

ГОРОД

(новелла)

Ты по-разному прирастаешь к земле, на которой вырос, часто и не замечая, как это происходит...

Попробуй-ка выуди из своего «прекрасного-далека» маленький, вроде бы ничем не выдающийся сюжет, и за ним, созвучные твоему нынешнему настроению, близкие по времени, по памяти ощущений, тут же потянутся другие... Подобно нечаянно рассыпавшимся и закатившимся в пыльные углы Прошлого цветным бусинам, которые постепенно нашлись и теперь нуждаются в прочной нити, которая скрепила бы их в Единое целое, теперь уже неразрывное...

Ты послушно сядешь за незнакомое прежде занятие, требующее терпения и внимания; ход Времени начнёт утрачивать свой монотонный ритм, то и дело сбиваясь с него и наполняясь неожиданными эмоциями, звуками, красками...

Но где же ты, моё прекрасное-далеко?.. Где ты, детство?.. Как же мало я тебя помню!..

Сменяющие друг друга муссоны межсезонья, запах моря, шум прибоя, перед которым я замирала; ракушки, морские звезды, выброшенные на мелководье, склизкие медузы. Маленькие крабята постоянно сновали по прибрежной полосе, – возьмешь такого за плотный, золотистого цвета, панцирек, присыплешь песком и с безмятежной улыбкой наблюдаешь, как проворные клешни молотят сыпучую, горячую от солнца массу. И ты, довольный, смеешься, глядя, как вырвавшийся на свободу детеныш быстро и кособоко чешет в родную соленую стихию...

Старое, начала прошлого века кладбище на окраине города... Как бесстрашно мы, детвора с холмистой, в несколько низеньких домов Круговой улицы, бродили между заросших могил и оградок в поисках гильз, а потом, уже во дворе сбившись в звонкоголосую стайку, обменивались своими находками...

Серый, безлюдный, изрытый ковшами мощных экскаваторов район Второй Речки... В его окрестностях в тридцатые годы находился лагерь для политических ссыльных, а одно из братских захоронений стало последним приютом для Осипа Мандельштама... Какая горькая, мрачная слава у места, запомнившегося мне по огромным дымящимся пастям котлованов...

Как мало я помню... и всё же...

И все же Псков, куда переехала наша семья в августе 1978 года, в сравнении с родным Владивостоком выглядел бледно и бедно. Ребенку, привыкшему иногда, в коротких промежутках между забавами, восхищённо поглядывать туда, где насыщенная горбами сопок земля сходится с небом, тихий провинциальный городок совсем не показался. Вернее, показался... невыразительным, невнятным, безвольно распластанным на ровной, такой же невыразительной поверхности. Разочарование было столь сильным, что его не скрасили ни спасительный (для меня) умеренный климат, ни многочисленные, ставшие Историей этого края примеры подвигов и силы духа, ни имена, достойные и гордости, и почитания.

Первое время я уныло слонялась по грязным, в осенней слякоти улочкам, запоминая дорогу в школу и обратно. В выходные дни садилась в автобус с незнакомым круговым маршрутом и ехала куда-то, хмуро поглядывая в мутное окно. Вскоре начиналось моё мучение: «город» с его красивыми зданиями 17-19 веков, массивными «сталинками», однотипными «хрущёвками» резко пропал, уступая место подпирающим друг друга деревянным постройкам с прохудившимися крышами и неухоженными дворами. Это сейчас стремительно разрастаются вширь и вглубь новые микрорайоны, застраиваются аккуратными особнячками пустыри и заросшие поля, а тогда... «Большая деревня, большая деревня...» – безрадостно думалось мне. Самой огромной бедой стало понимание, что *здесь* придётся жить. И жить, по всей видимости, долго. Неопределённость понятия «долго» сразу трансформировалась в «вечно», и это угнетало ещё больше, а до памятной первой (рабочей) поездки в Старый Изборск было целых восемь лет жизни. Срочно требовалось влюбиться, хоть во что-нибудь (место, памятник, панораму...). Но, увы, в детском сознании понятие «чувство», как правило, ассоциируется с отношением к *кому-то*, а не к *чему-то*. В поиске привязанности прошли годы. Не помогало ничто: ни прогулки в Корытовский лес или на заснеженную Великую зимой – на лыжах, летом – за Черёху на пикники или за грибами-ягодами с родителями, ни многочасовые хождения по улицам... А неописуемые восторги по поводу наловленной вблизи Снетогорского монастыря плотвы заканчивались прямо на берегу, стоило лишь начать собирать нехитрые снасти. По возвращении я забивалась в отведенный мне за громоздким шкафом угол и «припадала» к очередной книжке. Это утешало и ненадолго примиряло с очевидным – чтение неизменно было моим любимым занятием, оно сбивало скуку и дарило новые впечатления, новых героев, новые ситуации, которые, разумеется, мгновенно примерялись на себя...

Во всём негативе, щедро выплёскивавшемся на меня в школьный период, я с завидной уверенностью и постоянством видела лишь одну первопричину – *город*, в котором живу. *Город*, который, казалось, невзлюбил меня сразу,

как только я в нём появилась. На мою детскую отчуждённость, душевную угрюмость он отзывался совсем не детскими историями. При желании они составили бы невесёлую основу пухлого дневника, который впоследствии вряд ли бы захотелось раскрывать.

Ты по-разному прирастаешь к земле, на которой вырос, часто и не замечая, как это происходит.

Ах, с какой же легкостью тебя заносит в заманчивое «бы», почему-то всегда лучшее, всегда более чистое, не заляпанное дурными словами, поступками, за которые впоследствии станет стыдно... И как же бесцеремонно тебя вырывают «оттуда» внезапные телефонные звонки, резкие уличные шумы... На идентификацию себя в реальности уходит больше времени, а затяжные прыжки в «бы» становятся всё продолжительнее.

Фантазируя на тему собственной жизни, ты тоскуешь по чему-то иллюзорному, несбывшемуся, по глупости или малолетству не допуская и мысли, что любое, самое ничтожное изменение событийного ряда влияет на течение всей последующей жизни, справедливо отменяя тебя сегодняшнего.

Потом, слегка повзрослев, ты начинаешь сопоставлять минувшее и настоящее, недоуменно оглядываться, чтобы в какую-то счастливую секунду внутреннего просветления, в изумлении вскинув брови, беззвучно воскликнуть: «Боже, какой я был дурак!.. Как же был слеп!..» И то верно: тебя – полуслепого, немощного щенка, чудом выжившего в первые минуты после рождения, милостиво подбросили к чужому сосцу – *городу*: «на, теперь это – твоё», а ты ещё помнишь и тепло тела родной матери, её дыхание, запах... Интуитивно ты стремишься помнить это всегда, в уютной темноте и тишине оживляя полузабытые приметы детства. Природным своим чутьем ты понимаешь, что в повторяющихся беспокойных снах и почти истершихся воспоминаниях было зачато твоё неповторимое будущее, но не торопишься понять того, что место, где тебе выпало жить, это и есть материнское тело, тело земли – единого организма с женской сущностью. И любой из нас, в какой бы части света географически ни оказался, всегда остаётся вечным дитём выносившей и родившей его земли, а собственно место рождения – понятие в масштабе Судьбы в большей степени всё-таки условное.

Ты по-разному прирастаешь к земле, на которой вырос, часто и не замечая, как это происходит.

Первая потеря, первое чувство, первые робкие открытия, неуверенные, но самостоятельные шажки вперёд... Город (а для кого-то – селцо, дерев-

ня...), в котором ты живёшь, смотрит на твои опыты то с родственным вниманием, то с молчаливой тревогой любящего сердца. Он так давно тебя знает, что предчувствует, чем отзовется в твоей душе уходящий день, а что вместе с частью тебя сорвется в ненасытную Лету...

Как тайно и почти безнадежно влюбленный, город всепрощающий и терпелив в своем долгом ожидании, и, встречая тебя по утрам, провожая до ступенек подъезда вечерами, он надеется, что однажды ты обратишь на него внимание.

И когда, удивленный и потрясенный, ты наконец приходишь в себя от долгого забвения, перед распахнутыми глазами взрослого, ставшего на мгновение ребенком, предстает *мир*, до сих пор невиданный. Так порой вдруг узнаешь тех, кто, оставаясь в тени и на расстоянии, всегда был рядом, готовый в любую минуту помочь, поддержать, защитить... Тех, к кому невольно, ещё где-то на полпути из детства, прикипел сердцем и томился непониманием этого все последующие годы. Томился, чего только не предпринимая: и противился очевидному, упрямо твердя «не дождешься...», и срывался, калеча свою душу и тело, и мчался в дальнюю дорогу (что тут ловить-то?), клянясь, что ноги твоей тут больше не будет... Ты даже позволял себе казаться хуже, чем был на самом деле, пока однажды не понял, что это – зло, разъедающее и уничтожающее, прежде всего тебя. Ты даже позволял себе обманывать, нимало не беспокоясь о последствиях, пока однажды, в самый бедовый час отчаяния, тебе, сказавшему чистую правду, никто не поверил...

Как же не похожи и рискованны все твои исходники, но как единствен оказался итог: «Господи, что творю-то!..»

* * *

Мы по-разному прирастаем к земле, часто и не замечая, как это происходит. Происходит с той высшей неизбежностью, с какой изо дня в день, из года в год, из века в век вершатся человеческие жизни, постепенно складываясь в единую Судьбу, единое Чувство сопричастности и единое Пространство, в котором, вопреки нашим ошибочным предположениям, не бывает случайностей... А любая, самая малая пустота, постепенно наполняясь оброненными вскользь и уже позабытыми «спасибо», когда-нибудь обязательно выльется в Благодарность – к Жизни, к Земле, к людям.

И, конечно же, к городу, наконец обретшему тебя, теперь уже навсегда...

ФОТОГРАФ БАБОЧЕК

Памяти детского писателя Владимира Тройнина

Фотограф бабочек - классический поэт:
Сравнений крылья, всполохи метафор –
Все как в стихах! И выбранный момент
Навек на снимок переносит автор.

Не он творец, он – ассистент Творца
И только честно следует природе.
Не ищет в муках своего лица,
Не говорит о творческой свободе.

Он, как ребенок, в бабочек влюблен,
Его восторг не догнала усталость –
Сто тысяч снимков!.. О, таких, как он,
В писательском союзе не осталось.

Там все вожди. Там ор стоит и крик,
И нетерпимость белой ниткой шита.
Кто виноват, что делать – он не вник,
По-детски улыбаясь беззащитно.

Столетняя гражданская война
В его душе не истребила веру,
Он знал, что людям красота – нужна!..
Нам остается следовать примеру.

Владимир Тройнин (1937-2006) – в последние годы занимался фотографированием приморских бабочек, не все из которых по сию пору описаны биологами. Он дарил не стихи, а фото какой-нибудь редкой бабочки-красавицы с дарственной надписью. И сам был, как мотылёк-эндемик, редкой ненадуманной метафорой...

* * *

мне не бывает скучно вечерами,
я дружбою ничьей не дорожу, -
прильнув лицом к стеклу в оконной раме,
я для стихов сюжеты нахожу.

* * *

случайно, как оговоришься,
не специально, не всерьёз
слагаю я четверостишья...
да и слагаю ли? - вопрос.

* * *

чей разум не знает запретов,
а жизни подарок не мил,
тот в общество мёртвых поэтов,
считайте, до срока вступил.

* * *

в темных окнах вечернего города
кто-то включит и выключит свет -
так и счастье мелькнувшее
кратко:
вроде было, и вот уже – нет...

* * *

вечерет, и квартал городской
постепенно истлевает в огне –
то ли желтою печалью людской,
то ли лампочками в каждом окне...

* * *

реальность грубая и сны –
меж ними невозможно тождество,
непоправимо не равны
мой бизнес и мое художество!

* * *

Луч солнца в дом – я радуюсь лучу.
А если друг – я восхищаюсь другом!
Мне хочется сказать, но я смолчу,
как счастлив и любим
не по заслугам.

Пусть вступит друг мой с корыстью в альянс
и эту жизнь покажет мне с изнанки,
я буду правды свой последний шанс
как комнатный цветок поить из банки.

И правда расцветёт, и друг поймёт,
как хорошо быть с правдою цветущей,
как корысти раздавливает гнёт
и как несчастен корыстно берущий.

* * *

Р.Н.

когда, от нежности устав,
суровым стану самураем
и не отвечу Вам на «ав!»
заливистым весёлым лаем,

когда мой старый номер вдруг
споёт, что он не существует,
и Вы не захотите мук
и чувства Ваши ветром сдует,

когда расхочется беречь
свидетельства, что был я в мире,
пришлите самураю меч –
он будет делать харакири!

Областная газета «Звезда Прииртышья» от 24 августа 2010

«СКОРО УЕДУ ВО ВЛАДИВОСТОК...»

*Ласковое неугомонное море
Лапами хватает
За песок.
На покрытом облаками взгорье
Расположился Владивосток.*

Вроде бы незамысловатыми, на первый взгляд, но очень милыми, близкими сердцу строками поэт Павел Васильев создаёт образ города, расположенного на берегу моря, на самом краю земли, куда он, любитель приключений, устремился из Павлодара после окончания школы II ступени. *«Ветер странствий обдувал шальную кудрявую голову, душа сжималась от предчувствия невероятных приключений...»* (С. Куняев). Он поехал туда вместе с выпускниками семипалатинской школы, среди которых был и Константин Вахнин, чтобы поступить в Дальневосточный университет. Но мы теперь точно знаем, что Павел даже не сдавал вступительных экзаменов, а только числился в списках абитуриентов. *«... Видимо, в университете не было факультета, который был бы ему по душе. Положение абитуриента давало право на проживание в общежитии, и это его устраивало, – рассказывал К. Вахнин. – Без дела он не сидел: атаковал редакции местных газет, устанавливал творческие контакты с литераторами».* Ведь там, во Владивостоке, им уже «полностью завладела одна страсть – поэзия». В Приморском отделении Сибирского союза писателей он познакомился с таким же начинающим поэтом Донатом Мечиком. *«Павел Васильев юношески был влюблён в свои стихи, непоколебимо уверен в поэтической силе, в правоте воззрений, в неоспоримости того, что затевал...- вспоминал Д. Мечик. – Был обидчив и самолюбив, но с высокой взыскательностью художника относился к своим творениям... Павел благосклонно относился к моим стихам и позже в московских письмах даже хвалил их. Скорее всего, у Павла вошло в привычку быть снисходительным к приятелю... Ему ничьи стихи не нравились до конца. Он восторгался только Пушкиным, Некрасовым и Есениным, увлекался Багрицким, а иногда даже об есенинских стихах умудрялся говорить критически. Зато был доволен каждой своей строчкой.*

А когда я ловил его на том, что он подражает Сергею Есенину, повторяет его мотивы, Павел злился». Но вскоре Васильев обретёт собственный голос и чётко определит основное отличие своей поэзии от есенинской: «Я хочу, чтобы слова роскошествовали. Есенин образы по яголке собирал, а для меня важен не только вкус, но и сытость».

О самом С. Есенине много и охотно рассказывали его друзья: Рюрик Ивнев и Лев Повицкий, судьбоносную встречу с которыми подарил П. Васильеву Владивосток. *«Лев Повицкий, а в ещё большей степени Рюрик Ивнев оказали благотворное влияние на литературную молодёжь города. Опыт последнего, его многолетнее общение с литераторами столицы, осторожность и вдумчивость в оценке того, что мы показывали, внимательное, уважительное отношение к творческим устремлениям каждого из нас оказали значительную помощь, воспитывали взыскательность, обогащали»* (Д. Мечик). П. Васильев принимал участие в работе литературно-художественного общества, смог произвести впечатление своими стихами, умением держать себя. В актовом зале университета с успехом прошло первое публичное выступление юного поэта. Местная газета «Красный молодняк» напечатала его стихи «Октябрь», «Владивосток», «Из окна вагона».

Но гонорары были нестабильными, и чтобы хоть как-то заработать на жизнь и на обратную дорогу, П. Васильев с К. Вахниным подрабатывали в коммерческом порту грузчиками, а в свободное время рассматривали достопримечательности города. И, по воспоминаниям Константина Павловича, на берегу Амурского залива, куда они пришли купаться, Павел написал свою великолепную «Бухту».

Покидая Владивосток, Васильев увёз с собой акростих Р. Ивнева, подаренный ему на прощание, и, несмотря на то, что их общение было непродолжительным, да и, кроме того, Павел не любил стихов Ивнева, а ещё его раздражали некоторые черты характера маститого поэта – расстались они тепло:

*В глаза весёлые смотрю,
Ах, всё течёт на этом свете.
С таким же чувством я зарю
И блеск Есенина отметил.
Льяную голову храни,
Её не отдавай ты даром.
Вот и тебя земные дни
Уже приветствуют пожаром.*

Ответное посвящение П. Васильев напишет уже из Хабаровска, о своей работе над ним он уведомит Р. Ивнева в письме от 12 декабря 1926 года:

Милый Рюрик Александрович!

Приехали мы с Андрюшей в Хабаровск так скоро, что поцелуй – который

ми Вы нас благословили, отправляя в дальний путь – ещё не успели растаять на губах.

А в душе они будут жить всегда.

Остановились мы здесь во 2-й коммун гостинице, № 5, – как и подобает восходящим звёздам литературного мира...

Хабаровск после Владивостока – рай. Великолепная погода, снег и широкие улицы.

Я Вам написал стихиОк тут маленький тОкОй в дОроге – так вОт и пОсылаю. Уж Вы извините, пОжалуйста, чтО не ОбрОбОтан.

Здесь тОже кОе-что пишу... Так... О Киргизии да О СахОлине.

Читали с Жучковым стихи на Хабаровском Л.Х.О. – пОнравились. «Бухта» особенно. Наверно, удастся кое-что втиснуть.

...Но пока до свидания...

P.S. Если Вас не затруднит, так следите в Университете за присылаемыми мне письмами. Потом перешлите в Москву. Ждите стихотворение, которое Вам посвящаю – работаю...»

Прощай, прощай, прости, Владивосток.

Прощай, мой друг, задумчивый и нежный...

Вот кинут я, как сорванный цветок,

В простор полей, овечьих и снежных.

.....

Я не хочу на прожитое вить, –

Но жду зарю совсем, совсем иную,

Я не склоню мятежной головы

И даром не отдам льянную!

Но это прощание с Владивостоком ещё не было окончательным. П. Васильев вернётся сюда спустя два года: после Москвы, когда, отучившись некоторое время на рабфаке искусств им. А.В. Луначарского, почувствует неодолимый зов Сибири и, сожалея и проклиная себя, всё же бросит учёбу и покинет столицу; после Новосибирска, где начнётся его настоящая литературная жизнь, где он окажется в эпицентре нешуточной литературной и идеологической борьбы, и Н. Анов вместе с Н. Феоктистовым, озабоченные судьбой П. Васильева и его друга Н. Титова, пытаясь спасти молодых поэтов, отправят их по заданию редакции «Сибирских огней» в длительную командировку. Вот тогда и начнётся знаменитое путешествие П. Васильева по Сибири и Дальнему Востоку. Чита – Иркутск – Сретенск – Благовещенск – Верхнеудинск – Хабаровск... И отыскать их следы можно по многочисленным публикациям в местных газетах и по скандальным, порой анекдотичным, случаям, которые будут сопровождать друзей на

протяжении всего пути. *«Сейчас я пока живу в Хабаровске, но скоро уеду во Владивосток. Мне необходимы морские купания и «весёлая жизнь» – т.е. жизнь, полная развлечений...»*, – писал П. Васильев подруге детства И.Ф. Пшеницыной 29 января 1929 года. А в очерке «В далёкой бухте» делился с читателями своими впечатлениями о городе: *«... Теперь Владивосток напоминает уже огромный потухающий костёр, груды синих, красных и голубых огней. Навстречу нам всё чаще и чаще попадают матросы и девушки в пёстрых платьях. Издали матросы похожи на белых птиц»*. Второй приезд П. Васильева во Владивосток богат очерковой прозой на морскую тематику, издававшейся сразу же и позднее, уже в Москве: «На Тафуине», «По бухтам побережья», «В гостях у шаландёра», «День в Хакодате». Но хотелось бы отметить, что эта тема, излюбленная для многих поэтов, не нашла в его творчестве значительного воплощения. И вообще писал ли он в это время стихи – достоверно неизвестно, но читал неоднократно своим друзьям, как неопубликованные, так и напечатанные ранее, в их числе, по воспоминаниям Д. Мечика, звучал и «Азиат».

И вот из этого города, который занимает особое место в творческой жизни П. Васильева (здесь увидели свет его первые публикации и завершился начальный этап творчества), мы получили письмо. На наш электронный адрес написала жительница Владивостока, физик по образованию, поэт по душевному складу, много лет проработавшая доцентом кафедры физики Морского государственного университета им. Г.И. Невельского, Э.В. Кочеткова. Несколько лет назад она пришла в литературную студию университета «Паруса», которой руководил член СП России В.М. Тыцких, и увлечшись занятиями в этой студии, начала пробовать свои силы, а в этом году издала первый поэтический сборник. Эльвира Васильевна предложила Дому-музею экземпляры дальневосточной региональной газеты «Литературный меридиан» и альманахов «Сихотэ-Алинь», где вышли статьи, посвящённые памяти П. Васильева.

Наверное, не стоит говорить, как обрадовало нас это послание, тем более что связь Музея П. Васильева с Владивостоком оборвалась несколько лет назад. Ответом на наш незамедлительный отклик стала бандероль с материалами и новым письмом: *«О Павле Васильеве узнала сначала из уст В.М. Тыцких, он очень выразительно читал по памяти его стихи, увлечённо рассказывал о судьбе, написал о поэте замечательное стихотворение, которое в следующий раз вышлю. Потом я прочитала всё, что написано Павлом Васильевым, и пришла в полный восторг от его творчества, поняла, что от нас утаили гения, и захотела рассказать о нём другим людям. Прочитала также и то, что было уже написано о нём. Но мне захотелось изложить своё собственное видение Павла Васильева, и получилось то, что вы видите в «Литературном меридиане»... Владимир Михайлович – земляк П. Васи-*

льева, уроженец Казахстана (Лениногорск). Мечтает побывать в Павлодаре. Один из материалов в альманахе «Сихоте-Алинь» написан им... Друг В. Тыцких Андрей Хвалин, ныне живущий в Москве, в Павлодаре бывал. (В декабре 1989 г. на I Васильевских чтениях. – З.М.) Буду рада, если посланные материалы Вам как-то пригодятся. Успехов Вам в Вашем замечательном деле».

«Говорить сегодня об окончательном возвращении Павла Васильева своему народу приходится с грустью, – пишет в своём очерке Э. Кочеткова. – Но лично мне очень хочется поблагодарить тех людей, которые занимались и занимаются его возвращением уже многие годы. Но не пришла ли пора поднять певца на пьедестал подобающей высоты, не побояться произнести признание: дать его имя улицам и скверам, библиотекам и площадям, включить его творчество в школьную программу?

Разве не в наших силах раскрыть книгу его стихов и удивиться красоте и роскоши родного русского языка? Разве исчезла в нас жажда постижения родины, красоты, любви и самих себя, наконец?»

Конечно же, нет, не исчезла. Как не исчезла в нас способность удивляться и восхищаться Прекрасным. И пока жив человек, его душа будет тянуться к поэтическому слову, потому что оно несёт свет и помогает жить.

Мы очень надеемся, что наша зарождающаяся дружба с городом, обогатившим творчество нашего земляка, вдохновившим его на создание замечательных произведений, будет крепнуть и развиваться. Ведь уже сейчас благодаря письму Эльвиры Васильевны два города, морской и степной, объединенные именем Павла Васильева, стали немного ближе друг другу.

НАСКОЛЬКО ИСКРЕННЕЙ МОЛЧАНЬЕ

Николай ЗИНОВЬЕВ,
г. Кореновск

В храме

Грешу и каюсь. Вновь грешу.
Кому душой принадлежу?
Дитя я света или тьмы?
Сосредоточенно-немы,
Глядят святители с икон
Внушительно и строго.
И тоже думают: «Кто он?
Куда ему дорога?»

* * *

Не подаём убогим хлеба,
А с раздраженьем гоним прочь.
Христу, всё видящему с неба,
Как от тоски не изнеможь?

Последние времена

Жизнь просела, как могила,
Потеряла высоту.
И нечистая в ней сила
Всю убила чистоту.

Всё во власти беззакония.
Я кричу своей душе:
«Продержись чуть-чуть. Уже –
Это князя тьмы агония».

* * *

Нам с тобою не к лицу
Врать, классическая лира.
Если мир идёт к концу,
Мы ничем не лучше мира.
Но страшной расклад иной:
В день пришествия Мессии
Вдруг на карте мировой
Не окажется России.

* * *

Бессмертную душу ношу,
Приветствую нищего, старца.
Стихи о России пишу
Для тех, кто в России остался.

* * *

Народ мой злее стал и жёстче,
Без меры деньги возлюбя.
Заставь его, Небесный Отче,
Со стороны узреть себя.

Даст Бог, от этого воззренья
Его стошнит от омерзенья
И станет он совсем иной,
Как это было и со мной...

* * *

Здесь подростки пьют и бабы,
Мат висит, как мишура.
«Дверь захлопнули хотя бы».
Отвечают: «Не пора».

«Не пора» меня задела,
То, что Божий храм их тело,
Я сказал им, а в ответ
Паренёк сказал мне: «Дед,

Сам развалина, а учишь.
Перестань нам докучать.
Сам любил рюмашку». –
«Внучек,
Коль не так, я б смог смолчать».

* * *

Поди, пойми меня, убогого...
Для счастья мало надо мне,
Но только этого немногого
Не существует на земле.

* * *

Стало мало русского в России.
Всё заморье к нам переползло,
Исподволь подтачивая силы,
Молча мировое сея зло.

Издаёт бесовские законы –
На костях устраивать пиры...
Отчего ж мы, русские, спокойны?
Потому что это до поры...

Люблю

Я этим словом не бросался,
Я для тебя его берёт.
Я долго ждал и вот дождался:
На мой ступила ты порог.

«Какая длинная дорога, –
Сказала. – Я чуть-чуть посплю».
Ты первой стала после Бога,
Кому я смог сказать: «Люблю».

* * *

Я ещё полной грудью дышу
И надеждою полон к тому же,
Что такие стихи напишу –
У бездушных появятся души!..

Утекли в никуда те года,
Как мальчишки, смеясь и толкаясь.
И пишу я стихи иногда,
В том, что это стихи, сомневаясь.

Вдохновение

Как будто крылья за плечами,
Ты написать готов хоть том...
Насколько искренней молчанье,
Ты понимаешь лишь потом.

РУССКИЕ ПОЭТЕССЫ

Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат.
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...

Марина Цветаева

Трагедия России из XX века плавно перетекла в век XXI. На протяжении одного века (считай, исторического цикла) дважды поменялся вектор социального миропорядка. За этот же самый период был трижды ограблен народ. Навскидку – три года тотального грабежа периода гражданской войны, затем – каннибальской коллективизации и, наконец, самое циничное ограбление – ваучеризация. Ограбление теми же самыми силами, что ещё вчера «Кратким курсом» вели нас к Зияющему Коммунизму (ЗК). Признаюсь, моё нытьё – не более чем вяжушка совка. Оставим эту тему политологам и социологам. Поговорим о культурном и духовном подавлении – ограблении русского национального самосознания, утрате корневой системы поэтической преемственности традиций. После известной оттепели народу стали известны имена погибших прозаиков и поэтов-страстотерпцев, в том числе – имена участников гражданской войны и установления советской власти. Это Исаак Бабель, Владимир Зазубрин, Владимир Нарбут, Михаил Голодный. Пресытившись народной кровью, в пылу «покаяния» власть (проговорилась?) позволила узнать о трагической гибели Осипа Мандельштама, Павла Васильева, Тициана Табидзе, Николая Клюева, Паоло Яшвили, Петра Наседкина, Алексея Ганина, Леонида Добычина, Петра Орешина. Но есть целый пласт русской поэзии совершенно неизвестный нашей интеллигенции, или, скажем – почти неизвестный. Это женская поэзия, поэтессы-изнанницы и поэтессы-лагерницы. Их было много. Я хочу поговорить о наиболее из них ярких и талантливых.

Любовь Столица (1884–1934)

Любовь Столица (в девичестве Ершова) родилась в семье ямщика. В до-революционные годы широко печаталась в столичных газетах и журналах обеих столиц, её красоту и необыкновенную женскую душу воспевал в сти-

хах Сергей Есенин. Особенную русскость, отзывчивость, доброжелательность, женственность, выразительность взгляда и улыбки, отражённых всем спектром её произведений, отмечали многие современники. Всего при жизни вышли четыре её книги: «Роиня», «Лада», «Русь», в полной мере выразившие корневую суть русской поэзии, а также роман в стихах «Елена Деева». И как музыкально звучат все эти названия книг! После бегства из Москвы от большевиков с 1918 по 1920 год скиталась по югу России, затем Греция, Болгария, умерла в Софии. После нее остались несколько поэм и готовых к изданию рукописей книг.

ЗАПЛАЧКИ

Ой, родимая, ой, русская земля!
Припадаю ко стопам твоим, моля!
Ты прости нас, кем ты кинута, кем брошена,
Раскатившихся, как малые горошины
Из золотого, из тяжёлого стручка,
По чужой земле, что ох как! горька...
Не отринь нас... Мы на братьев не похожи ли? –
Тех, кто вдосталь кутермили, скоморошили
И доньне кружат в леших кустах...
Ан – Бог даст, в святых очутятся местах!
Вот и я – буйна, кротка ли – та же самая!
То в затменье, то в сиянии душа моя...
Крикнул кочет красный, вспыхнула весна,–
И, как жрица, я ждала Перуна!
Стонет горлица, и осень уж туманится,–
И взыскую Лика Спасова, как странница...
Млады, стары, тот с дудой, тот с посошком,
Кто – веригую звеня, кто – бубенцом,
Чёрта тешащие, бранью, Бога – лироку,–
Мы, чужие всем, и щедрые, и сирые,
Прозорливцы, простецы, дураки,
Возлюбившие скиты и кабаки,
И в отрепье кумачовом и во вретище –
Все, как есть, твои родные, мати, детища...
Так прости же нам раскаянный наш грех,
Как и трёх, что там, с тобою... как и всех!
И раскрой свои бескрайние объятия
Мне, что многих и светлей, и виноватее...

* * *

Порой и зелень внешняя язвит,
И месяц жалит серебристо-серпный,
И даже флейта, данная Евтерпой,
Опущенные руки тяготит.

Да, тьму людской вражды, неправд, обид
Не побороть, как сил в себе ни черпай!
О скрыться бы, как та луна в ущербы,
Как тот побег, когда в снегах он спит...

Но знаю, знаю тверже всяких истин:
Через неделю станет ночь светла,
А лес через полгода пышнолистен –

И вновь пойду я, мудро-весела,
В тот самый мир, что так мне ненавистен,
Навстречу жал и стрел, *не помня зла.*

Как целомудренно и жертвенно здесь звучит: *не помня зла*. После тотальной Отечественной войны для восстановления разрушенного хозяйства, создания ядерного паритета нужны были рабочие руки. Вот, не помня зла, в послевоенные 1946-47 годы и приехало в СССР несколько тысяч русских беженцев, потомков эмигрантов первой волны. В основном молодёжи, по малолетству не участвовавшей в гражданской войне, поэтому ни в чём не повинной перед властями, но трагически успешно ослеплённой советской пропагандой. Вернулись... и пошли, как сказали бы раньше, по владимирке, то есть по советским этапам, пересылкам и тюрьмам. Кто? Надеюсь, читатель вспомнит о судьбе семьи Марины Цветаевой, полностью исчезнувшей в жарком пекле советских заполярных освенцимов и майданеков. Не избежали ослепления пропаганды, а затем и трагической участи даже такие известные люди, как сын и внук бывшего премьера царского правительства Кривошеина, Эдди Рознер, попали в лагеря трое из семьи Янковских. И многие-многие другие. А кто-то был и поумнее. Как ни заманивали вернуться, но устоял, не поехал лауреат Нобелевской премии, Пушкинской и братьев Гонкур – Иван Бунин. И Любовь Столица, дочь русского ямщика, плоть от плоти земли русской не вернулась, успела умереть ещё до войны, хоть и в эмигрантской бедности, но не на барачных нарах. И никто из её скрюченных, холодных пальцев не вырывал недоеденную хлебную пайку, не выдирал, не выковыривал финкой зубных коронок, тело в землю зарыли неоскверненным.

Анна Присманова
(1892–1960)

Анна Присманова – родилась в Либаве, литературных свидетельств о ней мало, а что есть – скупы и противоречивы: от самых восторженных до сомнительных. Творческое наследие невелико, всего три прижизненных сборника стихов – «Тень и тело», «Близнецы», «Соль», это слово являлось ключевым в лексиконе и во всём её творчестве. Тем не менее – она одна из числа ярчайших поэтесс русской поэзии. Её стихи охотно публиковали многие литературные журналы Берлина и Парижа. Они заслуженно вошли в поэтические антологии «Якорь», «Муза диаспоры», «Эстафета», «На Западе». С поразительной красотой и чистотой её палитры, богатством природных запахов и оттенков не могут сравниться многие нынешние труженики пера, эстетствующие верхоглядцы, потерявшие чувство глубинной связи с родным языком. Бесконечно накручивающие, нанизывающие в своих текстах одну бессмысленную шараду на другую, черпающие своё вдохновение в зауми, давно освоенной и пройденной ещё футуристами, кубистами, конструктивистами в 20-е годы двадцатого столетия. *К слову сказать: не по этой ли причине сегодняшняя поэзия остаётся не востребованной читателем?* Первозданная прелесть нижеприведённых стихов – просто несравненна!

ЗЕЛЁНЫЙ ДВОРИК

Зелёный дворик. Курицы в навозе
и золотой весёлый сеновал.
Зачем так быстро время воду возит
и мой струистый полдень миновал.

У бабушки висели в день осенний
лекарственные травы с потолка
и скопища на коконе кисейном
уснувшего мушиного полка.

Как любо было бегать воронёнком
В расквашенные клетки за яйцом,
Как утро распевало горло звонко,
Выскакивая к солнцу на крыльцо.

Но сладок был при летних свечках ужин.
И юбочек взлетало полотно,
Когда босые пятки били в лужи
И дождь ломился радугой в окно,

в речонку или в толщу огорода,
где маялись малинные кусты,
где, праздника встречая день дородный,
линяли наши ягодные рты.

О, свежие сверкающие гумна,
пронизанные ржаньем жеребят,
о, славные вожди ватаги шумной
играющих в разбойников ребят.

О, нянюшкин сундук, где всё наследство
Оберегал малёванный улан,
О, милое холстинковое детство,
Румяное отнюдь не от румян.

1924

* * *

Птицей слово наше бьётся,
Как дела его худы!
Из туземного колодца
Не глотнуть ему воды.

Только в чаще ежевика
безмятежно хороша.
Над болотом птицы дикой
разрывается душа.

Вот упала в травы птица
(стал навеки вечер тих),
ей своё, быть может, снится,
как сироткам мама их?

Так слабееют средь плантаций,
так в колонии грустят,
вспоминая тень акаций
так – что косточки хрустят!

1936

Марина ЦВЕТАЕВА
(1892–1941)

Марина Цветаева дебютировала в восемнадцатилетнем возрасте (1910 г.) книгой стихов «Вечерний альбом». Дебют был замечен доброжелательной критикой Максимилиана Волошина. Чуть позднее со своими рецензиями выступили Валерий Брюсов, Николай Гумилёв. Вот такие рецензенты заметили поэтессу. А далее – её зрелость, восторженная любовь, беда, исход, разлука, судьба, бессонница, труд, пространство налегке, тщета, нужда, трагедия. А прежде того – учёба. У кого? – У большевиков. Вот её собственное признание: «Большевики мне дали хороший русский язык (речь, мольв)... Мастеровые, бабки, солдаты. Этим же даром большевикам и воздам!» В разное время в круг её знакомства входили Р.М. Рильке, К. Бальмонт, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак. При известной доле фантазии – в её стихах можно найти влияние Хлебникова или Маяковского. Но голос, нерв, ритм и рифма – подлинно собственные. И не у каждого мужчины-поэта такая кинжальная отточенность и экспрессия стиха и слова. Привожу почти неизвестное в России, но скорее – пророческое её стихотворение:

ЕВРЕЯМ

Израиль! Приближается второе
Владычество твоё. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!

В любом из вас – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке,
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста,
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребём Христа...

1916

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно,
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц – оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужитья (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.

Не оболщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья он,
А я – до всякого столетья!

Остолбевшим, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все – равны, мне всё равно,
И, может быть, всего ровнее –

Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.

Так край меня не уберёт
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперёк!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно рябина...

Май 1934

РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости – и свай,
Из сырости – и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.
Туман ещё щадит,
Ещё в холмы запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости – и стай...
Ещё вестями шальными
Лжёт вороная сталь –
Ещё Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз –
Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия – в три полотнища!

И – шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пущу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей.)

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости – и сирости.

Покамест день не встал
С его страстями стравленными –
Во всю горизонталь –
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль – да две рельсы синие...
Эй вон она! – Держи!
По линиям, по линиям...

1922

О каком рассвете на рельсах может идти речь? «С пропавшими навек...», «Без низости, без лжи...», «Без сырости и шпал...» Нет, не довелось ей участвовать ни в каком восстановлении. Зная суровые зимы России и тяжёлое осеннее ненастье, 31 августа, в последний день лета, не найдя самой грязной работы (получив отказ в работе посудомойки), не имея скудного куска хлеба для пропитания, уставшая ложиться спать голодной, великая поэтесса повесилась...

Зинаида ГИППИУС

(1869-1945)

Зинаида Гиппиус, быть может, самая неочённая поэтесса в истории русской литературы. Мужской склад её ума привлекал к ней сильных мужчин и, безусловно, отталкивал слабых. Её недооценивал В. Ходасевич, но говорил о её «единственности» А. Блок, а С. Маковский утверждал, что она была вызывающе «не как все». Умом превосходила свою наружность. Она очень ценила обширные знания и ум своего мужа Дмитрия Мережковского, но сама – с первых дней семейного союза – неизменно оставалась на первых ролях. В их доме (на правах друга) долгие годы обретался Д. Философов, а в салоне бывали многочисленные писатели и журналисты;

террорист Б. Савинков, по слухам, Г. Распутин, Великие Князья и многие деятели Государственной Думы. Часто проводились теософские диспуты. В предчувствии роковых событий шёл нескончаемый поиск преодоления раскола русской интеллигенции (как принято сейчас говорить: возможной конвергенции), нащупывались точки соприкосновения, возможных союзов. А между тем Кровавый Джин неистово рвался на свободу, и он её получил. Февральская революция – для заигравшейся в толерантность интеллигенции – обернулась октябрьской катастрофой. И вскоре поэтаessa пишет пророческие строки:

* * *

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким крошечным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засёк кнутом?
Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан *палкой*,
Народ, не уважающий святынь!

Петроград, 1918

Применили не только архаичный кнут и *палку*, но и современный штык, пулемёт, а чуть позже – авиацию и отравляющие газы. Какое потрясающе точное предсказание, предупреждение народу. Раз не уважаешь праотеческие святыни, раз ты охотно присоединился к иноземным погромщикам (историкам хорошо известны имена вождей революции и их европейского разлива мамелюков-охранников: латышей, венгров, немцев и даже китайцев), пошёл на погром церквей и всего духовного мироуклада, то на лучшую социальную долю можно не надеяться. Помни, смерд, свой выбор: ты достоин скотского состояния. Заслуженно.

КРАСНОГЛАЗОЕ

Схватило, заперло, оставило
Многоголосое Оно.
В холодной келье замуравило
Моё последнее окно.
О, пусть бы яма одинокая,
И темь, и тишь, и холод плит...

Но я не знал, что Красноокое
Меня и с Ним разъединит.
Разъединило! Нету доступа
Ему ко мне и мне к Нему.
Не уловлю я лёгкой поступи
И уст к одежде не прижму...

И если в келью позабытую
Он постучит ко мне: открой!
Как я открою дверь забытую
Моей слабеющей рукой?

1919

Апофеозом её литературных трудов стали «Петербургские дневники» – «Синяя...» и «Чёрная книги» – в которых сторонний обыватель, волею судеб и своего личного безволия, исполняя незавидную роль статиста, присутствует при надвигающемся катаклизме, но даже в наши дни современник-интеллектуал физиологически ощущает себя сорванным листом на ветру социальной бури, отданный во власть ежедневного холода, насилия, голода, обреченного получать из рук властей омерзительно подозрительную печень, выдаваемую на пропитание вместо мяса... по слухам...

Свяжу я в узел нить
Меж сердцем и сознанием,
Хочу разъединить
Меня с моим страданием.

Нет, не поворачивается язык повторять эти слухи... Лучше прочтите сами... Ни один из советских лубков не доносит и грана запаха эпохи. Если у кого-то из читателей возникнет интерес к прочитанному (или сомнение, что вполне возможно), то рекомендую посмотреть американский фильм «Рим», рисующий эпоху гражданской войны в Риме I века до новой эры, эпоху – Цезаря, Помпея, Антония – многолетнего, бесконечного насилия всякого вооружённого человека над безоружным: женщиной, стариком, немощным. Целое поколение, да что там поколение, – страна привыкала жить без права следующего утра:

Без утра пробил час вечерний,
И гаснет серая заря...
Вы отданы на посмех черни
Рукою слабого царя.

Говоря о предварительных итогах трагедии русского народа, сполна вкусившего плоды «свободы», в 1923 г. в Берлине вышел коллективный сборник еврейских писателей, сумевших взвесить на чаше весов все потери своего народа за местечковые погромы предреволюционных и лет гражданской войны с потерями самого русского народа. «Если мы свои потери можем ещё определить гадательными числами, то русские и этого делать не могут. Кто считал русские слёзы, кто русскую кровь собирал и мерил? Да как считать и мерить в этом безбрежном и бездонном море». А почему не могут? – Да потому, что основные потери составляет безъязыкое крестьянство. Каждая часть интеллигенции (техническая, военная, научная, театральная, художественная и литературная) оставила мемуары, и только народ до сих пор безмолствует.

(Окончание в следующем номере)

АНГЕЛ

В день моего рождения позвонила внучка и, поздравив меня, сообщила об оставленном в шкафу подарке.

Бегу к шкафу, достаю тяжелый сверток. Что это может быть? Разворачиваю бумажную упаковку. Фигурка белоснежного фарфора: коленапреклоненный ангелок с закрытыми глазами и сложенными в молитве ручками.

Недавно, увидев такую красоту в продаже, я подумала, что обязательно куплю на обратном пути домой. Но кто-то после меня решил не откладывать покупку. У меня же остались лишь сожаления о несделанном вовремя.

Бережно держу желанную фигурку обеими руками и ставлю ее на стол. Из-за слез не вижу крохотную шкатулку. Попав на нее одним коленом, ангелок падает – и ... рядом с ним лежит его отломанное крыло.

Совершенно неожиданно пришла мысль: вот теперь все правильно, ведь я жила на Земле подбитой птицей. Не сумев взлететь, не видела простора, не ощутила прелести полета и радости вдохновения. Потому и не знаю, какая она – жизнь, когда ею живешь, не зализывая раны, физические и душевные.

Но теперь у меня есть мой Ангел. У нас с ним одно имя, одна судьба, одна молитва.

Глядя на это светлое чудо, радуюсь ему и еще тому, что теперь (как мне кажется) каждый миг жизни станет возвращать мне то, что я так безоглядно теряла, не умея определить для себя важное и необходимое.

Крыло аккуратно приклеили. И теперь у нас с Ангелом еще и одна на двоих тайна – его и моя.

ЗАМПОЛИТ

1.

Если называть вещи своими именами, то это была самая настоящая банда. Ловили её два года. Потом целый год с лишним тянулось предварительное следствие. Потом районная прокуратура долго препиралась с прокуратурой краевой на предмет окончательной квалификации действий обвиняемых, резонно утверждая, что налицо часть четвёртая статьи сто шестьдесят второй Уголовного кодекса Российской Федерации, по признакам совершения ряда разбойных нападений организованной группой.

– Мало того, – с пеной у рта доказывал районный прокурор своим оппонентам, – имеются основания полагать, что группу обвиняемых можно официально признавать преступным сообществом! И судить этих лиц должен не районный народный суд, а краевой.

Но вышестоящая прокуратура, подбадриваемая членами этого самого краевого суда, непоколебимо стояла на своём, утверждая, что никакой организованной группы не было, а имелся просто ряд разбойных нападений, совершённых группой лиц по предварительному сговору с применением оружия. То есть видела только часть вторую предложенной следствием статьи. Как водится, мнение вышестоящей прокуратуры возобладало, и в перспективе дело предстояло решать суду районному, по месту совершения последнего преступления.

После завершения предварительного следствия всех семерых обвиняемых долго и нудно знакомили со следственными материалами и рассматривали разные адвокатские ходатайства. Потом дело передали прокурору, и он, прежде чем утвердить обвинительное заключение, неторопливо и тщательно его изучал. Потом его наконец оформили для передачи в суд.

Увидев кучу толстенных томов, с огромным списком свидетелей и потерпевших, местом жительства которых были не только различные города Российской Федерации, но и ближнее зарубежье, в районном суде тоже долго упирались, пытаясь сплавить этот многотомник в краевой суд, справедливо полагая, что районному суду его рассмотреть почти невозможно. Однако суд второй инстанции не жаждал увеличивать и без того немалый счёт дел, находящихся у него в производстве, и ходатайство суда районного не поддержал. В общем, дело пришлось принимать именно районному суду.

В тот день, когда все полтора десятка томов, согласно «инструкции по делопроизводству», были внесены в специальный канцелярский журнал и получили наконец свой регистрационный номер, в городе зазвенела весенняя капель.

2.

Судья Дмитрий Сергеевич Берг любил владивостокскую весну, особенно начало апреля, когда городской асфальт уже досуха очищен от остатков грязного снега и в городе устанавливается теплая и солнечная погода. Как коренной приморец, он ценил весну именно раннюю, отлично зная, что вслед за первыми солнечными днями начнётся нудная морось, постепенно переходящая в затяжные холодные дожди.

В тот тёплый апрельский день Дмитрий Сергеевич неожиданно быстро расправился с текучкой и был в отличном настроении. Но, когда его секретарь Оля Тарасова в несколько приёмов перетаскала из канцелярии и свалила на его огромный рабочий стол гору толстых томов, он округлил глаза.

– Это что, новое дело?

– Да, новое, – подтвердила Ольга. – Принимайте к производству.

– Ну, спасибо, – упавшим голосом произнёс Дмитрий Сергеевич. – Можно сказать, обрадовалась!

– А я при чём? – пожалала она плечами. – Всё равно никто, кроме вас, такую махину не потянет.

– Тянуть-то вместе будем, – усмехнулся Берг.

– А нам не привыкать, – отозвалась Ольга и, кивнув на многотомник, нахмурилась. – Вот только куда я всё это спрячу? В мой сейф и половины не вместится.

– Придумаем что-нибудь, – сказал Дмитрий Сергеевич и почувствовал, что его лучезарное весеннее настроение уступает место обычной деловой озабоченности.

На следующий день, с трудом расправившись с текучкой, Дмитрий Сергеевич после обеда отключил свой телефон и закрылся в кабинете. Выложив на стол все пятнадцать томов, он углубился в чтение.

Способ совершения преступлений, достаточно подробно описанный следователем, не отличался новизной. В судебно-следственной практике такие разбойные нападения нечасто, но встречались. Любопытным был только состав преступной группы.

Как следовало из текста обвинительного заключения, на отрезке дороги, ведущей от Артёмовского аэропорта к автотрассе Владивосток–Хабаровск, периодически, в течение почти двух лет совершались разбойные нападения на пассажиров легковых автомобилей и микроавтобусов. А происходило это весьма просто: прилетевшие в аэропорт пассажиры самолётов Аэрофлота автоматически превращались в пассажиров других транспортных средств: рейсовых автобусов, такси и просто частных, перевозивших от аэропорта во Владивосток и его пригороды основную массу прибывших в Приморье лиц из других регионов России. Прилетевшие и получившие

свой багаж граждане на привокзальной площади стихийно формировались в весьма многочисленные и не очень группы, заполняя вышеуказанные транспортные средства. Никто из них, конечно, не подозревал, что находится под пристальным вниманием переодетых в форму сотрудников милиции членов преступной группы, выбирающих более выгодный, с их точки зрения, объект нападения. Потом преступники, обогнав на своём микроавтобусе облюбованное ими транспортное средство, останавливали его в удобном для грабителей месте якобы для проверки документов и под угрозой применения огнестрельного оружия изымали имеющийся у пассажиров багаж и всё более или менее ценное. Перегрузив добычу в свою автомашину, преступники с места совершения преступления бесследно исчезали.

Изюминкой в уголовном деле было то, что главарём преступников был водитель служебной машины районной прокуратуры некий Барсуков. Он, кроме своих близких знакомых, сумел вовлечь в совершение преступлений и молодого следователя прокуратуры Красовского. Пользуясь доверием прокурора и служебными возможностями Красовского, Барсуков смог снабдить членов преступной группы удостоверениями общественных помощников правоохранительных органов. Удостоверения были изготовлены на подлинных бланках с необходимыми реквизитами и подлинными печатями прокуратуры.

Преступники долгое время были неуловимы, но, в конце концов, «погорели» вполне банально.

Барсуков каждое удачно завершившееся разбойное нападение вместе с соучастниками преступления отмечал в ресторанах, причём обязательно приглашал на празднество своего начальника. Прокурор безотказно принимал приглашения и, зная весьма скромный размер зарплаты своего водителя, в упор не замечал, какими суммами оплачивал тот совместные застоля.

И вот однажды поздним июльским вечером в ресторан «Лесная заимка», расположенный на въезде во Владивосток, был вызван милицейский наряд. Швейцар, звонивший по телефону, пояснил, что в помещении этого увеселительного заведения между нетрезвыми посетителями завязалась драка. К моменту прибытия милиции наиболее агрессивные участники ресторанного побоища уже грузились в стоящую неподалёку от ресторана чёрную «Волгу». Надо сказать, что прибывший по вызову лейтенант милиции не оплошал и с двумя своими сотрудниками организовал погоню за отъехавшей машиной, которая резво рванула в сторону города. Разглядев регистрационный знак удиравшей «Волги», лейтенант передал по радиации на стационарный пост ГАИ «19-й километр» просьбу её задержать. Вот тут-то и начались чудеса.

Машину гаишники, конечно, остановили, но после проверки документов задерживать не стали. Как объяснил подъехавшему лейтенанту перепуганный милицейский сержант, «Волга» была служебной машиной районного прокурора Бахметчина, который находился рядом с водителем. Преследовать машину прокурора было глупо, но лейтенант был молод и азартен, и он эту «глупость» совершил. «Волгу» нашли. Она мирно стояла на краю дороги напротив кинотеатра «Иллюзион». Видимо, миновав КП 19-го километра, пассажиры «Волги» расслабились и уже не предполагали, что погоня за ними не прекратилась. Правда, прокурора в машине уже не было, а водитель и пассажиры в ответ на предложение лейтенанта предъявить документы протянули сотрудникам милиции удостоверение штатного следователя районной прокуратуры и три удостоверения общественных помощников этого же уважаемого правоохранительного органа. Водитель «Волги» дополнительно предъявил ещё и красную книжечку внештатного сотрудника милиции.

Вероятно, азарт погони у лейтенанта ещё не угас, поскольку предъявленные документы его не впечатлили. Он приказал освободить машину для проведения досмотра. Ради объективности стоит заметить, что лейтенанта, как и любого российского милиционера, мало заботили законные основания для подобных действий, равно как и их процессуальное оформление. Сунувшись в машину прокурора, лейтенант шёл «ва-банк». Он, безусловно, мог распрощаться с офицерскими погонями, но судьба была к нему благосклонна – из машины, а точнее из-под салонных резиновых ковриков были извлечены два обреза охотничьих ружей и два пистолета «Макарова». Со спокойной совестью лейтенант объявил о задержании всех ехавших в «Волге».

Между прочим, на другой день по инициативе прокурора Бахметчина задержанные были освобождены, и именно потому, что лейтенант, производя досмотр транспорта, не удосужился пригласить понятых и составить соответствующий протокол.

Правда, в ходе предварительного следствия все пассажиры прокурорской «Волги» были вновь задержаны, арестованы и водворены в следственный изолятор, хотя принципиального значения это уже не имело.

Уже дважды, не задавая вопросов, в кабинет Берга заглядывала его секретарь, никогда не уходившая из суда раньше своего непосредственного начальника. Наконец Дмитрий Сергеевич посмотрел на часы и, вставая из-за стола, крикнул:

– Оля! Собирайся домой.

– Тут вам адвокат по нашему новому делу звонил, – сообщила Тарасова, моментально оказавшись в кабинете Берга.

– Ты смотри! – усмехнулся Берг, – только вчера многотомнику судебный номер присвоили, а уже звонки! А кто конкретно звонил?

– Кудрявкин.

– Васька?

– Ну, для вас он, может быть, и Васька, а для меня – Василий Петрович.

– И что он хотел?

– Сказал, что ждать вас будет после работы.

– Меня?

– Вас.

– Где?

– Сказал, в гараже.

– Ясно, – снова усмехнулся Берг.

3.

Не было ни в старой, ни в новой, современной России человека, который бы не знал, что означает такая аббревиатура, как КГБ. Преемница этого могущественного государственного учреждения, небезызвестная ФСБ, не идёт ни в какое сравнение с Комитетом государственной безопасности, но в определённой степени это тоже достаточно мощное учреждение.

Мало кто сомневается, что обеспечивают безопасность государства достаточно серьёзные люди, однако так же мало кто знает, что сотрудники ФСБ – очень уязвимые в обычной повседневной жизни граждане.

После того, как был убит в своём собственном доме Лаврентий Берия (по официальной версии, он был расстрелян по приговору суда), для сотрудников Комитета государственной безопасности наступили нелёгкие времена. Они больше ни под каким предлогом не могли нарушать общественный порядок или находиться в общественном месте в нетрезвом виде. Они не могли быть замеченными в нарушении правил дорожного движения или в нарушении каких-либо других, установленных компетентными органами правил, ну а что касается внебрачных связей, то это вообще ЧП.

Все эти требования, абсолютно без изъятий, перешли по наследству к служащим ФСБ.

Дело в том, что вышеперечисленными проступками, как только они становятся известными, занимается беспощадно-строгая служба собственной безопасности. И нет никакой гарантии, что скандал с соседом по квартире или поездка в общественном транспорте, так сказать, в подпитии, а уж тем более интимная встреча с чужой женой не станет поводом для увольнения из учреждения не только тщательно оберегающего свою репутацию, но и вообще отрицательно реагирующего на излишнюю известность своих сотрудников.

Сознательно ограничивая круг общения, работники ФСБ до сих пор во-

лей-неволей объединяются в этакие «английские клубы», членство в которых предполагает обязательную принадлежность к службам этого учреждения. Исключения допускаются, но очень редко, да и то только в отношении лиц, принадлежащих к силовым и судебно-прокурорским структурам.

Дмитрий Сергеевич со времён армейской службы в войсках «Осназ» имел довольно тесное соприкосновение с некоторыми службами КГБ. После демобилизации из армии, потом в течение службы во Владивостокской таможне и, без малого, трёх десятков лет работы судьёй он был членом одного из таких неофициальных клубов.

Переданное Бергу приглашение заехать в гараж имело самый прямой смысл. Ещё лет тридцать назад его закадычный друг, тогда ещё старший лейтенант госбезопасности, Сергей Грубиш, вступив в гаражно-строительный кооператив по своему месту жительства, вскоре стал владельцем капитального кирпичного строения, состоящего из двух помещений: одного – для стоянки автомашины и другого, поменьше, – подсобного. И вместимости этого «подсобного» помещения вполне хватало, чтобы устроить застолье для полудюжины молодых парней, решивших пообщаться за глухими кирпичными стенами, вдали от людского глаза. Со временем встречи в гараже вошли в привычку. Образовался постоянный круг, в основном из младшего офицерского состава комитета. В этот круг вошёл и старший лейтенант запаса Дмитрий Берг.

Шли годы, бывшие лейтенанты уже носили погоны с двумя просветами, а некоторых привозили к гаражу и увозили персональные машины. Вот именно в это время Берг привёл в «гараж» своего давнишнего приятеля – подполковника милиции Василия Петровича Кудрявкина. Завсегда и «гаражных посиделок» не испытывали особого восторга от появления в их кругу нового человека, тем более что Кудрявкин после неожиданного ухода в отставку с должности начальника РУВД в рекордно короткое время оказался в Приморской коллегии адвокатов. Надо сказать, что с некоторыми адвокатами «члены гаражного клуба» приятельские отношения и раньше поддерживали, но близко к себе не подпускали. Сказывались почти диаметрально противоположные служебные интересы при работе по конкретным уголовным делам. В общем, Кудрявкина в своём кругу друзья Берга терпели, но признать за своего не спешили.

4.

Пока Берг запасся в гастрономе необходимыми продуктами и пока он добирался к месту встречи, прошёл почти час, однако в гараже Сергея Грубиша он застал только его хозяина. Тот, открыв нараспашку металлические ворота, сервировал нехитрой снедью раскладной столик.

– А судьи кто? – с нарочитым пафосом приветствовал он Берга.
– Здорово, Серый, – пожимая протянутую руку, широко улыбнулся Берг.
– Я что – первый?
– Да нет, – принимая у Берга пластиковый пакет с продуктами, поморщился Грубиш, – Был твой мент. Пришёл пустой, как будто я его кормить должен. И на кой ты его к нам привёл?
– А где он?
– Я его в магазин отослал, – кивнул Грубиш в сторону ближайшего гастронома. – Скоро появится.
– А кто ещё будет?
– Да никого больше, – недовольно буркнул Грубиш, – кто в командировке, кому с работы нельзя отлучиться.
– Не понял! – удивлённо округлил глаза Берг.
– А что тут непонятного, – усмехнулся Грубиш, – сегодня после обеда твой Кудрявкин позвонил и пристал как банный лист...
– Так это его инициатива? – перебил Берг. – Что это ему приспичило?
– А я откуда знаю, – пожал плечами Грубиш. – У него и спросишь.
Кудрявкин показался буквально через минуту. Размахивая чёрной пластиковой сумкой, он ещё издали помахал свободной рукой.

К своему дому Дмитрий Сергеевич подошёл в сумерках. На остановку общественного транспорта «3-я Рабочая» он доехал на трамвае, а дальше, к улице Баляева, шел пешком. В голове слегка шумело, но он знал, что со стороны выглядит вполне трезвым, иначе бы добирался на такси. Для троих крепких мужчин бутылка водки с обильной закуской – пустяк. Между тем настроение Берга было отвратительным. То, что предложил ему Кудрявкин, казалось дурным сном. С Василием Петровичем он подружился ещё в то время, когда тот носил погоны старшего лейтенанта милиции и был замполитом местного РОВД. Советская власть ещё казалась абсолютно незыблемой, а личный состав райотдела милиции, где работал Кудрявкин, работники районного суда и прокуратуры, даже адвокаты районной адвокатской конторы – все входили в одну партийную организацию. Кудрявкин в то время был бессменным парторгом. Берга, молодого, начинающего судью, совершенно неожиданно для него избрали заместителем Кудрявкина, что и стало причиной их быстрого сближения, переросшего если не в тесную дружбу, то в достаточно тесные приятельские отношения. Избрание Кудрявкина секретарём партийной организации весьма положительно сказалось на его служебной карьере. Пока КПСС приказала долго жить, Василий Петрович успел дослужиться до начальника РУВД, причём и в этой должности Кудрявкина в узком кругу знакомых неизменно величали «замполит». Надо сказать, что активная партийная позиция, в своё время

положительно сказавшаяся на служебной карьере Кудрявкина, сыграла, в конце концов, с ним злую шутку. Новое руководство краевого УВД бывших партийных функционеров не жаловало.

«Вот тебе и замполит! – мысленно возмущался Дмитрий Сергеевич, остановившись у входа в подъезд своего дома и доставая сигареты».

Закурив, он присел у подъезда на лавочку. Перебирая в памяти детали разговора с Кудрявкиным, Дмитрий Сергеевич отметил, что во время дружеского застолья в гараже тот был непринуждённо весел. И только когда они, распрощавшись с Грубишем, подошли к трамвайной остановке, Кудрявкин помрачнел.

– Дима, – сказал он, глядя куда-то мимо Берга, – я ведь не зря организовал эту встречу в стороне от наших служебных кабинетов...

– Догадаться несложно, – перебил его Дмитрий Сергеевич.

– Ну что ж, – усмехнулся Кудрявкин, – тогда даже проще. Не надо вокруг да около ходить.

– Давай покороче, – нахмурился Берг. – Так каким боком тебя поступившее мне дело задевает?

– Видишь ли, – замялся Кудрявкин, – Бахметчин мой давнишний приятель...

– А при чём здесь Бахметчин, – опять перебил Берг, – против него уголовного дела не возбуждалось. Хотя стоило бы и его привлечь.

– Вот-вот, – усмехнулся Кудрявкин, – кое-кто в ФСБ именно так и считает.

– Ну а фээсбешники тут при чём? Это не их епархия.

– У них интерес к Барсукову, – шумно вдохнул Кудрявкин.

– Ну ты даёшь! – хохотнул Берг. – Если они Барсукова разрабатывают, то об этом никто, кроме самих разработчиков, ничего не знает.

– Не те времена, Дима, – опять вздохнул Кудрявкин, – не путай КГБ с ФСБ. Хотя и в КГБ сволочей хватало! Помнишь, как сам председатель Комитета государственной безопасности Бакатин всю агентуру американцам сдал?

– Так ты что! – взвился Берг. – Ты, значит, не зря к Грубишу зачастил?

– Успокойся, Дмитрий Сергеевич! – поднял руки Кудрявкин, как бы сдаваясь. – Успокойся, Грубиша не расколешь.

– А ты что, пробовал?

– Да успокойся ты!

– Короче, – махнул рукой Берг, – что надо?

– Ну ты и псих! – плюнул себе под ноги Кудрявкин. – Ничего мне уже не надо.

– И всё-таки?

– Дима, у меня имеется договор на защиту Барсукова, – ответил Кудряв-

кин, – так вот, он просил передать прокурору Бахметчину, что если тот его не вытащит, он, то есть мой подзащитный, кое-что может сообщить следственным органам.

– А Бахметчин твой приятель, – резюмировал Берг.

– Именно так, – подтвердил Кудрявкин.

– Послушай, замполит, – хлопнул Берг ладонью по плечу своего визави, – давай считать, что этого разговора между нами не было. К тому же и при желании, которого у меня, кстати, нет, ничего уже не сделаешь.

– Между прочим, от тебя, по существу, ничего и не требуется. Надо просто дело назад прокурору вернуть. Дальше уже не твоя забота.

– А, интересно, как это вернуть? По каким основаниям? – ехидно спросил Берг. – Ты что, УПК забыл?

– Кстати, подыскать подходящие основания – твоя забота. Тут, действительно, надо хорошенько подумать, – сказал Кудрявкин. – Причём думать не бесплатно. Оч-чень даже не бесплатно! – подчеркнул он.

– Слушай, Петрович, – мгновенно отреагировал Берг, – а ведь в память о нашей долголетней дружбе я действительно совершу должностной проступок. Так вот, – перешёл он на свистящий шепот, – так вот, я не буду сообщать о твоём предложении туда, куда, по долгу службы, сообщить обязан. Уяснил?

– Всё-таки не зря тебя чистоплюем называют, – после долгой паузы наконец произнёс Кудрявкин. Он вздохнул и неторопливо пошел вдоль трамвайного полотна.

– Василий Петрович! – крикнул ему вслед Берг, – к гаражу Грубиша больше на пушечный выстрел не подходи А то ...

– А то что? – оглянулся Кудрявкин.

– А то не сдержу я своего обещания молчать о твоём предложении!

Кудрявкин вполголоса выругался и прибавил шагу, направляясь к стоящей рядом с трамвайной остановкой машине. Это была чёрная «Волга».

5.

Дмитрий Сергеевич подошёл к своему многоэтажному дому, уже смеркалось и окна многочисленных квартир светились желтоватым электрическим светом. Присев на пустующую лавочку у подъезда, он достал из кармана пачку сигарет.

«А ведь теперь от меня не отстанут, – с досадой подумал он и неожиданно для себя смял в руке неприкуренную сигарету, – пожалуй, уже завтра можно ждать неприятностей».

Удручённо покачав головой, он тяжело поднялся, и тут же, обгоняя его, в подъезд заскочил невысокий плотный мужчина. Придержав закрывающуюся дверь, Дмитрий Сергеевич шагнул следом, но сразу инстинктивно

качнулся назад – прямо перед ним, с занесённым над головой коротким обрезком строительной арматуры, стоял обогнавший его человек. Вероятно, эта секундная заминка на входе и спасла Дмитрия Сергеевича. Тяжелый металлический прут только скользнул по его голове, с хрустом врезавшись в левое плечо. Вспышка боли на мгновение парализовала Берга.

«А вот тебе и гостинец от Барсукова, – мелькнуло в голове. – Однако оперативно они действуют! – мысленно удивился он, уворачиваясь от второго удара. В этот момент кто-то снаружи открыл дверь подъезда, и напавший на Берга мужчина мгновенно прыгнул навстречу входящему, сбив его с ног. С резким металлическим звоном упал на бетонный пол стальной прут.

«Эх, товарищ судья, – прижавшись спиной к стене подъезда, с холодной яростью подумал Дмитрий Сергеевич, – а ведь из строя они тебя всё-таки вывели». Повисшая плетью левая рука наливалась нестерпимой болью. Скользящий удар металлического обрезка тоже не прошёл даром – по щеке уже ползла первая капля крови из рассечённой кожи головы.

– Ушиб головного мозга и перелом ключицы, – через час с небольшим объявил Дмитрию Сергеевичу освидетельствовавший его врач городской клинической больницы, куда доставила Берга «скорая помощь». – Вот если бы такой удар пришёлся вам сюда, – похлопал он себя по лысеющей макушке, – то вас бы осматривал сейчас не я, а патологоанатом.

– Спасибо на добром слове, – усмехнулся Дмитрий Сергеевич.

– Не за что, – хмыкнул врач и непреклонным тоном добавил: – А сейчас немедленно в палату!

Когда Дмитрия Сергеевича выписали из больницы, он, по настойчивому предложению руководства, ушёл в очередной отпуск. В период его отсутствия уголовное дело по обвинению преступной группы Барсукова со стадии досудебной подготовки, уже другим судьёй, было возвращено прокурору и потом всё-таки ушло в вышестоящий суд, а уголовное дело, возбуждённое по факту покушения на судью – Дмитрия Сергеевича Берга, пополнило немалое количество имеющихся в следственных органах так называемых «висяков».

Дмитрий Сергеевич не интересовался, чем закончилось судебное разбирательство по обвинению Барсукова, но однажды в начале августа его прямо на работе посетил молодой сотрудник ФСБ. Он просил разрешения на ознакомление с имеющимися в архиве районного суда материалами, касающимися работы популярной в городе адвокатской конторы, в которой работал Василий Петрович Кудрявкин. Во время конфиденциального разговора он предъявил Бергу перехваченную ещё весной записку обвиняемого Барсукова. Записка была адресована именно адвокату Кудрявкину и

датирована апрелем текущего года. Из текста записки следовало, что переданные Кудрявкину накануне пятьдесят тысяч американских долларов предназначены для подкупа судьи Берга. Далее следовало указание устранить судью, если он откажется принять деньги.

– А что же вы сразу, ещё в апреле, не пришли? – поинтересовался Дмитрий Сергеевич. – Чего вы ждали?

– У нас были свои проблемы, – небрежно отмахнулся фээсбэшник.

– А я знаю, почему вы молчали! – багровея от бешенства, повысил голос Берг. – Я знаю, почему вы не торопились! Вам очень важно было знать – возьмёт ли судья взятку! – Дмитрий Сергеевич вскочил и, с трудом сдерживая себя, спросил:

– А если бы меня убили?!

Не дождавшись ответа, Дмитрий Сергеевич опустил в кресло и, не глядя на собеседника, указал ему на дверь, коротко выдохнув:

– Вон!

Перед тем как выйти из кабинета, сотрудник ФСБ аккуратно вложил записку Барсукова в свою папку.

– Сволочи! – вдогонку прохрипел Берг. – Сволочи! – пробормотал он уже шёпотом, чувствуя нарастающую пульсирующую боль в левом плече.

Владивосток. 2009 г.

Татьяна ЛЕДНЕВА,
ученица МОУ СОШ с. Ильинка,
Хабаровский край

КАК АНГЕЛ, ТЫ ЧИСТА И СОВЕРШЕННА...

(эссе)

Из сборника творческих работ учащихся «Негасимый свет»

Светлой памяти преподобномученицы
Великой княгини Елисаветы Фёдоровны посвящается

Однажды на уроке мировой художественной культуры учительница рассказывала нам о христианстве. Она говорила о том, как распространялось оно по миру, какие подвиги совершали первые христиане, отстаивая свою веру. Их бросали в ров ко львам, заживо варили в кипящем масле, распинали на крестах, но они не отказывались от Христа. Потом учительница сказала, что хотя христианство и одержало победу над язычеством, но на протяжении всей истории, вплоть до сегодняшнего дня, христианство продолжает вести непримиримую борьбу со злом – тяжёлую и порой кровавую.

Мне этот урок очень понравился. Он произвёл на меня сильное впечатление. Я ведь тоже христианка, ношу на груди крестик. Меня крестили ещё в детстве, но я раньше не задумывалась об ответственности, о высоком звании христианки. А после этого рассказа на душе стало горько.

Я подошла к учительнице и сказала: «А мы ведь сейчас не настоящие христиане. Мы только называемся ими. Мы просто носим освященный крестик, но не исполняем наш долг перед Богом. Мы не ходим в церковь, не исповедуемся, не соблюдаем посты, а ведь должны! Наверное, в современном мире уже нет таких верных Богу людей, какими были первые христиане». Учительница сказала, что это не так, что такие люди были, есть и будут всегда. Она обещала рассказать о тех, которые, несмотря ни на что, даже ценой своей жизни продолжали исповедовать Христа и служить правде и добру. Так я узнала об удивительной женщине – её история меня потрясла до слёз. О таких людях нужно знать. Не рассказывая о них, забывая, ради чего они жили, пошли на мученическую смерть, мы как будто сами угасаем, теряем что-то, становимся причастными к тем тёмным силам зла, против которых боролись эти светлые и чистые люди. Если о них помнить, рассказывать, стремиться хоть в чём-то быть похожими на них, тогда зло будет не

в силах победить нас. Именно поэтому я и хочу рассказать о святой мученице за веру Христову Великой княгине Елизавете Фёдоровне Романовой.

Елизавета Фёдоровна была членом сразу трёх царственных домов Европы: внучкой английской королевы Виктории, дочерью австрийского герцога Гессен-Дармштадского и женой Великого князя Сергея Александровича Романова. Она была одной из самых именитых, образованных и богатых женщин Европы. Елизавета Фёдоровна была очень хороша собой. Когда она приехала в Москву уже будучи женой Великого князя Сергея Александровича, всех поразила её необыкновенная красота. Известный поэт того времени Константин Романов посвятил ей такие строки:

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина.
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби mnogой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Её ждало блестящее и беспечное будущее. Но эта удивительная женщина выбрала себе совсем другую судьбу. После посещения Святой земли в октябре 1888 года она принимает православие. Все свои силы Елизавета Фёдоровна отдаёт делам благотворительности и милосердия.

Её муж к тому времени становится московским генерал-губернатором. Он в центре внимания, в центре политических событий. А политическая обстановка в России того времени очень напряженная. В Москве свирепствуют банды террористов. Начинается революция 1905 года. Спокойной жизни приходит конец. Россия погружается в пучину хаоса.

В феврале 1905 года террорист Иван Каляев бросает бомбу под ноги её мужу, и на глазах Елизаветы Фёдоровны он погибает от жестокого и бессмысленного поступка. После похорон, на третий день, она пришла в тюрьму к преступнику Каляеву и сказала, что прощает его, но просит, чтобы он покаялся в содеянном. Каляев отказался. Она писала просьбу к царю о помиловании, но прошение было отклонено. Этот поступок много открывает

в характере Елизаветы Фёдоровны. Какие духовные силы потребовались этой женщине, чтобы пережить такое горе, не стать мстительной и жестокой! Мало кто из людей способен на такое всепрощение и подлинную христианскую любовь.

После смерти мужа Елизавета Фёдоровна отдаёт часть своего имущества в казну, часть – родственникам, а на оставшиеся средства открывает в Москве Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Этому делу она посвящает всё своё время. В обитель везут со всей Москвы тяжелобольных, от которых отказались врачи, нищих, бездомных, обреченных. И для всех у Елизаветы Фёдоровны находятся слова утешения. Она сама делала перевязки больным, ухаживала за ними. Всех подбадривала, утешала, везде поспевала. Спала очень мало, всего по два часа в сутки. Все дела свои вершила с молитвой. Для сестер обители она была и настоятельница, и пример для подражания.

Во время первой мировой войны Елизавета Фёдоровна открывает в своём приюте госпиталь для раненых, обучает девушек и женщин на курсах сестёр милосердия, после чего они направляются на фронт. Роль Марфо-Мариинской обители неоценима в это трудное для России время.

Наступает 1917 год – страшное для нашей страны время. Царская семья арестована и отправлена на Урал. Елизавета Фёдоровна переживает, ведь для неё это родные люди. Она родная сестра царицы. В это время носить фамилию Романовых – просто опасно.

Из Германии по поручению кайзера Вильгельма за ней посылают автомобиль, чтобы вывезти её за границу. Зачем ей в это смутное и опасное время быть в России? Ведь она не русская, и это не её Родина. Но Елизавета Фёдоровна отказывается. Она говорит, что не оставит Россию и свою обитель в это трудное время.

Её арестовали в апреле 1918 года. Верная келейница и помощница Варвара не оставила её. Их привезли на окраину Алапаевска и поселили в школе. Какие унижения и оскорбления пришлось пережить этой женщине в руках палачей, приходится только догадываться. Но она не сдалась, не попросила пощады, не предала своей веры. Палачам было мало просто убить их. Убить нужно было изощрённо, с особыми мучениями. Палачи всех времён и народов одинаковы по сути, и Христа на Голгофе убивали такие же: с неверным сердцем, духовно слепые, оттого и особо жестокие.

У каждого, кто идёт за Христом, – своя Голгофа, что прекрасно понимала Елизавета Фёдоровна. Узники Алапаевска собирали последние духовные силы, чтобы пройти свой крестный путь до конца.

5 июля 1918 года их живыми сбросили в старую шахту.

Они не просили пощады, а молились и пели Херувимскую. Они знали, что Христос с ними. Шахту забросали ручными гранатами. Местные жи-

тели говорили, что ещё несколько дней из шахты раздавались молитвы и стоны. Через некоторое время Алапаевск был занят Белой Армией. Казнённых достали из шахты, и открылась страшная картина. Несломленный человеческий дух до конца боролся со смертью. После взрывов некоторые оставались ещё живы, в том числе и Елизавета Фёдоровна. Несмотря на то, что она была сама ранена, она разрывала свою одежду и как могла перевязывала раны другим. О том, в каких муках закончилась земная жизнь этой необыкновенной женщины, страшно даже подумать.

Тело Великой княгини Елизаветы Фёдоровны покоится в Иерусалиме, в храме Марии Магдалины. Оно по сей день остаётся нетленным. Это признак святости. Елизавета Фёдоровна канонизирована, причислена к лику святых. Праздник в честь её подвига отмечается Церковью 18 июля.

Разве кто-нибудь после описанных событий сможет сказать, что нет уже больше на земле настоящих христиан? Их, конечно, меньше, чем простых людей, но каждый такой святой человек спасает многие тысячи людей своими молитвами. Именно ради них Господь терпит и прощает нас всех.

Я ещё не знаю, как сложится моя жизнь, но забыть о преподобномученице Великой княгине Елизавете Фёдоровне я уже не смогу никогда.

Святая угодница Божия Елисавета, моли Бога о нас.

ПУСТЬ НАБИРАЕТ ВЫСОТУ

Вера КАРАМАН,
г. Владивосток

* * *

В ожидании бурана
Так стусились облака,
Только поздно или рано
Быть бурану, а пока -

Побродить по перелеску,
Поразмыслить, что к чему,
Не нарочно, не в отместку,
Просто – чтобы одному...

Тронуть веточку берёзы,
Дым колечками пустить,
Чтобы ты мужские слёзы
Не могла мне не простить...

Эх, берёзонька-берёза –
Снег на бороду летит.
В ожидании мороза
Ветка тоненько скрипит.

* * *

Вечерок унылый
Да видна луна...
Не печалься, милый,
А налей вина...

За окошком бледным –
Ни одной души.
Ты укройся пледом
Да стихи пиши...

Хорошо в деревне
Августа в конце –
Жёлтые деревья,
Листья на крыльце.

Бормотанье сосен,
Шорох тополей,
А потом, под осень, –
Лёгкий звон дождей,

Яркая палитра
Сопок и лугов –
Это всё молитва
За тебя, без слов.

* * *

Что-то мне неможется... Неймётся...
Лист резной трепещет на руке.
Как верёвочка тропинка вьётся,
Пропадает где-то вдалеке...

Я смотрю с высокого пригорка,
Как бурлит и пенится прибой,
Плещется волной солёно-горькой,
От лучей вечерних – золотой.

Огородов узкая полоска –
Вниз, к полям, насколько схватит взгляд.
Тонкие берёзки, как наброски
На холсте невидимом, парят.

Благодать на море и на суше.
Сердце не изводится тоской –
Будет ли, не будет ли нарушен
Этот мой сентябрьский покой?..

Снова ночь на землю опустилась,
В сизой дымке полная луна...
Вроде малость...
Ах, за эту милость
Стоит раскошелиться сполна.

* * *

Душе – ни, холодно, ни жарко,
Никто не друг ей и не враг.
Она сама себе товарка,
Сама себе и свет, и мрак.

Летит сквозь годы и метели.
Ей солнце светит и луна.
За полминуты до купели
Греховных помыслов полна.

А также нежности и смеха,
А также святости и слёз...
Там, вдалеке, раскаты эха
Среди искрящихся берёз.

Нет ни заслона, ни преграды:
Что тот, что этот – два села...
Летит, летит моя отрада
Во два нагруженных крыла.

* * *

Летело лето вдоль и поперёк
Оврагов, перелесков и обочин,
Прямых, крутых, извилистых дорог,
Всех синих рек – глубоких и не очень.

Подумаешь: летит в тартарары.
По сколько лет осталось нам на брата?
По сколько? Да не будет им поры...
Как нет им ни преграды, ни возврата.

...Летело лето, звонко, на лету
Отсчитывая вехи – сосны, клёны...
Так пусть же набирает высоту
На свет звезды, на свет звезды зелёный.

Алиса МУЗЫЧУК,
студентка 3 курса отделения теологии
Института истории и философии ДВГУ,
г. Владивосток

«Собеседник сердца и поэт»

1 октября состоялась творческая встреча известной поэтессы Светланы Кековой и студентов Дальневосточного государственного университета, среди которых присутствовали учащиеся отделения теологии и религиоведения. Гостя поделилась с аудиторией своими исследованиями стихов Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского, произведя неизгладимое впечатление на слушателей. Светлана Кекова открыла для студентов неизведанный мир стихов, раскрыла их глубинное содержание и религиозный смысл.

Светлана КЕКОВА живёт в Саратове. Стихи её издаются в Москве, в Санкт-Петербурге, переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, голландский языки. Она лауреат премии имени Аполлона Григорьева и премии Второго международного московского фестиваля поэтов «Москва – Транзит», лауреат премий журналов «Знамя» и «Новый мир».

«Заболоцкий, по-моему, один из самых загадочных русских поэтов. У него есть стихотворение, так и названное – «Искусство», где буквально в каждой строфе возникает образ мёртвого мира: «Дом, деревянная постройка, / составленная как кладбище деревьев, / сложенная как шалаш из трупов, словно беседка из мертвецов...» Мир, оставленный жизнью. Мир, в котором существовать нельзя. И только поэт, поднося к губам «длинную сияющую дудку», вдруг создаёт слова, превращающиеся в предметы нового бытия, – и они живы, а не мертвы. Это одна из множества вариаций темы преображения. Или в поэме «Людейников»: «Жук ел траву, / жука клевала птица, / хорёк пил мозг из птичьей головы, / и страхом перекошенные лица / ночных существ глядели из травы...» – закон взаимного истребления, но и преображения – тоже... Я ведь воспринимаю поэзию в пространстве христианских координат. Архимандрит Киприан Керн в своей книге «Антропология св. Григория Паламы» пишет: «Есть что-то в каждом творчестве, что в себе содержит семя вечности... Энергии Духа, сияние несозданного Фаворского света... какой-то смысл, какой-то логос творчества, нами ещё не видимый и не постижимый». А святой Максим Исповедник говорит о том, что «надо расшифровывать таинственную криптограмму бытия». То есть видеть тайную суть вещей, вернуть миру его начальное, первоизданное имя. То, что «было замутнено последующими наслоениями».

Для более близкого знакомства с творчеством С. Кековой мы приводим здесь одно из стихотворений поэтессы из сборника «У подножия Желтой горы»:

Разодрана храма завеса,
ни места, ни времени нет.
Изгнанник из тёмного леса
покорно выходит на свет.
Нагая река серебрится,
прохладно, и дождь моросит,
а в небе небесная птица,
подобно лампаде, висит.
Но только распятыя не видно,
не слышно ни звука нигде,
не страшно, не больно, не стыдно
в большой отражаться воде.
И складывать звучные строфы,
прикрыв неживые глаза,
про то, как на череп Голгофы
присядет на миг стрекоза,
из кокона бабочка выйдет,
как света сияющий сноп,
и обе Марии увидят
навек покинутый гроб.

На фото: студенты и преподаватели кафедры теологии и религиоведения ДВГУ со Светланой Кековой (в центре)

На фото (слева направо): Ю. Кабанков, С. Кекова, П. Крючков.
Фестиваль поэзии. Владивосток, октябрь 2010 г.

Светлана КЕКОВА,
г. Саратов

Светлана Васильевна родилась на Сахалине. По образованию филолог (в 2010 году защитила докторскую диссертацию). Автор нескольких поэтических сборников и литературоведческих книг, в том числе посвященных творчеству Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского. Стихи Светланы Кековой переводились на многие европейские языки. Лауреат нескольких литературных премий. В начале октября сего года была гостьей Владивостока – как участница Второго поэтического фестиваля «Берега».

* * *

Я была солдатом лихой войны,
и сражались мы не на жизнь — на смерть.
Где хозяин звёзд и морской волны?
Кто даёт устав и колеблет твердь?

Я вставала в строй, и при счёте “раз”
я в пустыне делала марш-бросок.
Кто отнимет мрак от закрытых глаз?
Кто зароет золото в морской песок?

Я была водой — тем, кто хочет пить.
Я была травой — тем, кто хочет спать.
Кто меня в иголку вставлял, как нить?
Кто меня заставил землёю стать?

По земле пустыни ползёт змея,
а в пустыне неба горит алмаз.
Ты ответь мне, Ангел и Судия,
кто отнимет мрак от закрытых глаз?

Между Фабром* и Экклезиастом

1

В старом доме медленно и долго
надо мной колеблется фантом:
муха в белом саване из шёлка
в колыбели, свитой пауком.

Жизнь течёт в своём привычном русле
среди больших и малых русских рек,
но уже кузнечик спрятал гусли
и в траве уснул, как человек.

И пугает насекомых праздных —
светляков, рассеянных в ночи, —
парой крыльев веерообразных
падший ангел в виде саранчи.

2

Не припомнить, на каком этапе
жизни вдруг возникла эта блажь...
Бродит Фабр в широкополой шляпе,
созерцает вечности пейзаж.

Он бросает пристальные взгляды,
напряжённо смотрит сквозь очки —
там, за смертью, есть ли шелкопряды,
пчёлы, осы, бронзовки, сверчки?

Мир иной — загадка, теорема...
Молча завершая переход,
он случайно замечает Брема
над пустыней океанских вод.

3

Умирают — жёлты и невинны —
листья средь осенней суеты.
Кое-где мерцают георгины,
горькие, Егорьевы цветы.

Друг мой, уничтожены драконы,
те, что даже времени древней...
Только сосны, плача, как иконы,
ящериц скрывают средь корней.

4

Царь Давид, играя на псалтири,
учит руки складывать крестом,
ибо перемены в звёздном мире
происходят перед Рождеством.

Ибо дева, будучи неплодной,
всё ж вкушает радости вино,
ибо естество стихии водной
скоро будет преображено.

Вот звезда своё меняет имя,
спят деревья у истоков вод,
и в солёной движется пустыне
рыб морских кочующий народ.

5

Страшно мне стихий круговращенье,
страшен мне воды бесцельный бег.
Я живу надеждой на прощенье,
я — простой и грешный человек.

И пока не порвана цепочка
и ещё не взломан снежный наст,
я дышу, как дышит эта строчка.
Слышишь ли, мой друг Экклезиаст?

6

Нынче ночью на Сионе лился
некий свет с заоблачных вершин,
но случилось чудо — и разбился
ночью у источника кувшин.

Закатилось в самый тёмный угол
ночью обручальное кольцо.
Чтобы светел стал небесный купол,
плакальщицы вышли на крыльцо.

Вот и я, в печали и обиде,
тихо плачу, сидя за столом,
и твержу, твержу, царю Давиде,
твой сто восемнадцатый псалом.

7

Мы с тобой одни остались в доме.
Мир завёрнут в звёздную парчу.
Ангел держит на своей ладони
время, как пасхальную свечу.

Тает воск и капает на пальцы...
Медленно прощаются со мной
ангелы, чудесные скитальцы,
с лёгким грузом крыльев за спиной.

Солнце вырастает из пелёнок
после очистительной грозы,
и, как ангел, прячется ребёнок
в колыбели, свитой из лозы.

* * *

Кончается осень, как жизнь в разорённой стране,
и к сердцу вплотную зимы подступает блокада,
и виден загадочный всадник верхом на коне
на фоне заката.

И всадника тень, и его боевого коня
не Гоголь придумал, мечтая о юной невесте,
но так возвращается в мир, убивая меня,
закон воздаяния, страшное таинство мести.

И всякое слово, конечно, приносит плоды,
собой заполняя пространство от храма до свалки...
А Гоголь шивает стеклянное платье воды,
поскольку жалеет погибшую душу русалки.

* Ж.-А. Фабр (1823 — 1915) — французский энтомолог и писатель. Автор 10-томных “Энтомологических воспоминаний”, опубликованных на протяжении тридцати лет. Фабр исследовал живых существ, до него главным источником знания в энтомологии были мертвые экземпляры, наколотые на булавки. Виктор Гюго назвал Фабра “Гомером насекомых”. (Прим. ред.)

О ПОЭТАХ И КАНАРЕЙКАХ,

или

Новый Геродот¹

Посвящается М.Эпштейну
и прочим «концептуалистам»

1. Говорят, на Канарских островах поэты не водятся – одни канарейки и собаки.

2. Канарейки называются так, видимо, оттого, что с утра до вечера щебечут без умолку. Собак же прозвали собаками за то, что не щебечут вообще, – non canendo [1], говоря попросту.

3. Поэты же, согласно более древним источникам, не водятся там исключительно по причине благоприятного климата. Когда всё вокруг цветёт и благоухает – никакая сила небесная не заставит вас взять в руки лиру, ибо душа парит где-то в эмпиреях, и ощущение от сего столь сладостное, будто объелись вы на ночь зефиром [2] в шоколаде.

4. По сей простой причине, дабы уберечься от соблазнов, поэты стараются селиться подальше от всевозможных райских кущ (или кущей? – не помню).

5. Южный полус всегда отпугивал их своим курортным названием. Посему все они, родившись кто где, тут же устремляются поближе к Северному, наперёд зная, что уж там-то злополучного благоухания не предвидится.

6. И целиком отдаются бряцанию [3] на лире вдохновенной, – как выразился один их весьма удачливый собрат [4].

7. Впрочем, лира у них не вовсе обязательный инструмент. Имеются среди прочего арфы [5], кифары, гитары...

8. Последние, кстати, получили подавляющее распространение в странах с относительно неблагоприятным климатом (речь не об Испании). Видимо, по той простой причине, что в тулупе и валенках за арфу, например, садиться не с руки (лиру и кифару повидать не довелось, но, по всей вероятности, с ними те же проблемы).

9. А вот с гитарой почему-то запросто: хоть голяком, хоть в телогрейке – лишь бы публика не разбежалась. Кстати, эти последние, то есть публика, в большинстве своём тоже некоторым образом инструментом владеют и чуть что – норовят свинью подложить. Но это не наша забота.

10. А канарейки здесь дохнут. И вовсе без вмешательства человека.

¹ М. Зоценко. Из ненаписанного. Подготовка текста, примечания и публикация Ю. Кабанкова.

11. А некоторые из песнопевцев вообще инструментов не признают – мысленные гимны сочиняют. И даже губами не шепчут.

12. Вот, Орфей [6], помнится, пением своим диких зверей в античную веру обращал.

13. Или Давид [7], например. Тот на Бога своего иудейского никак нарадоваться не мог: уж ты, говорит, у меня такой-сякой – лучше не придумаешь, – изведи, говорит, без моего ведома всех врагов моих до их седьмого колена, а я тебе за то – и на струнных, и на духовых орудиях! Могу, мол, и вприсядку.

14. Всё-таки было в них нечто: и медь звенела, и кимвалы [8] звучали, и духовые орудия грудью напрягались.

15. Конечно, кимвалов нынче днём с огнём не сыщешь. Зато медь покуда ещё доступна: взял, к примеру, на кухне тазик для варенья, и ну – по улице греметь! Народ какой-никакой непременно сбегится.

16. Пускай с первого-то раза и не уразумеют в чём дело, но в лицо-то уж, как пить дать, запомнят; при встрече здороваться начнут – с перепугу. Это для начала.

17. А там, глядишь, и уважать себя заставишь: поди, не каждый день с тазами по улице шастают, глотку дерут, Значит, так надо. Поэт, одним словом.

18. А там, не успеешь оглянуться, послабления какие-никакие обозначатся. Например, займы без отдачи. Ерунда, но всё-таки.

19. А сунутся с напоминанием – тут же осадить: обыватель, мол, и ретроград! Это ж неформальный Фонд культуры! Хokusая видели? – Сто видов Фудзиямы! И одного бы не написал!..

20. Хорошо! И жизнь заметная.

21. Одна беда: сюжетов маловато.

22. Ну, описал разок, как мама твоя тебя же в песках рожала, или – как серафим [9] тебе явился и поперёк дороги разлёгся, – и опять скука смертная, сил нет.

23. А тут проснулся однажды, глянул крутом – мама моя родная! – вот где перу-то раздолье: тиран [10] на тиране сидит и тираном погоняет, – все с пёсыми головами, в лапах помело, а изо рта пена прёт на манер шампанского. Жуть!

24. И что интересно – никто с ними, с тиранами-то, не борется, как, например, Давид с Голиафом [11].

25. Стоят себе – публика-то – головы набок свесили и наблюдают глазами: рубанёт али не рубанёт? А коли рубанёт – так с плеча или с отяжкой?

26. Прямо Китай какой-то!

27. Хотя – никакой не Китай, а самая что ни на есть Россия, XVI век: Иван Грозный [12] убивает своего сына. Репина [13] произведение.

28. Ежели хорошенько подумать – так Иван этот всё семья репинское по-

решил бы, не то что сына единокровного. Кабы знал, конечно, что за па-
сквиль [14] ожидает его в будущем.

29. Но всё это – досужие домыслы интеллигентных потомков; а каково
современникам?

30. Тут тебе по всей Европе великий скачок происходит, турки Визан-
тию [15] без ножа зарезали, папа руки потирает, кругом перестройка на
всех парах, инквизиторы [16], какие были средневековые, норвят на гума-
нитарные рельсы влезть, чтобы хоть как-то соответствовать, – а тут такая
ошибка природы, прямо оторопь берёт!

31. Даже в том же Китае дремучем куда как приличнее общественный
климат: течёт себе и не спешит в догонялки с Европой.

32. При всём том у них и поэты случались. Почти как у нас. Вот, напри-
мер, некто Цзи-гуан [17] пишет:

*Еду на север, скачу на юг –
Исполняю государев приказ.*

Стихи называются «Написал верхом на коне».

33. У бедняги, видимо, времени в обрез: и царю хочется угодить, и перед
вечностью лицом в грязь не ударить. Приходится повышать свой культур-
ный уровень в походных, так сказать, условиях.

34. Сразу видно: Минская династия [18] и всё такое. Правда, до сих неиз-
вестно, каким образом белорусы в Китае оказались. Этот вопрос, наряду с
цыганским, ещё предстоит осветить в обозримом будущем.

35. А теперь вернёмся к нашим канарейкам.

36. Известно из достоверных источников, что канарейки попали в прос-
вещённую Европу именно в XVI веке. Раньше никак не могли: никто пути
истинного указать не умел, ибо прозябали все сплошь в самых что ни на
есть средних веках: грязь, копоть, каменные своды над головой – не поще-
бечешь.

37. Потом средние века кончились, и все увидели, что можно плыть даль-
ше.

38. Вот тогда канарейки в Европе и объявились.

39. Поэты там уже давно прозябали, своего часа дожидались (см. начало
данной истории). Но час пробил, а толку от них, оказывается, ни бельмеса,
– канарейки щебетали не хуже.

40. Потому последние вытеснили первых.

41. И наступила реакция.

42. Уж на что Лютер [19] крепкий мужик был – и тот не выдержал, чер-
нильницами пуляться начал; всё, говорит, шабаш! Так чёрт-те до чего доду-
маться можно!

43. А чего же тогда с нашего Ивана Васильевича спрашивать! Ведь он тещу свою родную (четвёртую или пятую, не помню), как собаку последнюю, Сорбоной [20] кликал. Не знал, как похлеще выразиться.

44. Кстати, сей наш Иван IV-й Васильевич заочно заклеил Варфоломеевскую ночь [21] как чрезмерное мероприятие. Об этом вам и знаменитый Эйдельман [22] скажет. А вы и поверите.

45. Да что – Эйдельман! Сам Епифаний Пустынный [23] в сердцах восклицал: «О, Господи! Увы Тебе и ах!..» (*Камень I, стих 6*).

46. Не удалось, правда, выяснить – к чему относится сей горестный вздох: к нашим безобразиям или французским.

47. Но, судя по всему, докатился он и до наших плачевных дней. А что мы на повестке имеем?

48. Канарейки какие были – как есть подчистую передохли, – это мы знаем. И на каждое вакантное место – пять-шесть щебечущих песнопевцев, – благо, кормушка в клетке всегда всклянь полна.

49. Одна беда – сюжетов маловато (см. выше).

50. А за просто так никто тебя кормить не станет. До горловой хрипоты щебетать нужно. Да так, чтобы моментально все поняли, что ты – в первой-ших рядах: «Пока свободую горим, мы прошлого не повторим!» [24] и т. д.

51. Не важно, что с чужого плеча, важно, что ко времени.

52. А тут ещё ветер подул – подолы задирает.

53. Глянули, откуда дует – а там прошедшее наше в кровавой грязи валяется, а кругом развалины старого мира. Мать честная! – проскочили с разгону и не заметили!

54. Не иначе – заговор был! Мысли, как блохи, туда же, XVI век, сягают. Следы-то кровавые оттуда тянутся!

55. Вот где успевай разворачиваться и глаголом, так сказать, сердца жечь! А не дойдёт глаголом – можно чем-нибудь подручным: утюгом, например, или паяльником...

56. Лишь бы палёным пахло.

57. Тут один стихотворец неразумный возьми да и тисни в печати что-то вроде: «...и дух речной воды на краешек колодца присаживается и зажигает трубку».

58. Что тут началось! Столпотворение вавилонское! Моментально всех канарских собак в кучу собрали и на него навешали: «Трубку! Вы слышали, – зажигает трубку! Усов не видать – ладонью прикрывается, а так – вылитый ОН!»

59. А другой, более разумный собрат, влез посреди площади на табуретку и объявил *urbi et orbi* о последнем закате российской словесности: наступила, мол, ночь поэзии; как говорится, спите, сегодня рассвета не будет!

60. Однако при всём том не преминул попенять «народу русскому», что

тот насмерть стоит над разбитым корытом и его, беднягу, тупо клянёт на чём свет стоит. [25]

61. По этому случаю один известный британец (кстати, современник нашего Епифания Пустынника), которого (умные люди сказали) и на свете-то не было [26], помнится, восклицал: «Есть многое на свете, друг Гораций!» [27].

62. И хотя наш друг далеко не Гораций, видения рукотворного памятника и его посещают среди крошечной поэтической ночи.

63. «О, rus! [28], – думает он, размышляя, – взмахни крылами, отойди-подвинься от сего бесценного корыта! Здесь памятник возвыгнут потомки моей нетленной ипостаси!» [29]

64. Только «О, rus!» почему-то и по сей день не двигается с места. Деревня, одним словом!

65. Так вот и прозябают несчастные потомки канареек в неумытой России. Хоть заново на Канарские острова подавайся!

66. Но там – сказка про белого бычка. [30] А он уже в бугая вымахал.

В лето 7496

Примечания

1. *Canis a pop canendo* (лат.) – Собака называется так оттого, что она не поёт. Варрон, VII. 32.

2. *Зефир* (гр.) – здесь: не ветер, а постила.

3. *Бряцание* (заимств. из старославянск.) – название способа извлечения звенящих звуков.

4. *Видимо*, Пушкин.

5. *Арфа* (ит.) – струнный щипковый инструмент в виде треугольника немалых размеров, внутри которого натянуто множество струн; обладает весьма нежным тембром.

6. *Орфей* – легендарный песнопевец, сын Каллиопы; растерзан древнегреческими зверьми.

7. *Давид* – израильско-иудейский император, праведник и тиран (см.), хранитель ковчега (не Ноева) и сочинитель псалмов.

8. *Кимвал* (гр. или евр.) – нечто звучащее.

9. *Серафим* (евр.) – пламенный ангел, особа, приближённая к Престолу Божьему; о шести крыльях (двумя закрывает лицо, двумя – ноги, а с помощью двух остальных летает, непрерывно славя Господа). Является поэтам.

10. *Тиран* (гр.) – не полагающийся на себя властитель, страдающий разлитием желчи.

11. *Голиаф* (евр.) – нечто вроде Левиафана.

12. Иван Грозный – отечественный тиран XVI-го столетия.
13. Репин – художник.
14. Пасквиль (ит.) – название торса древнеримской статуи, откопанного на первом году XVI века.
15. Византия – второй Рим (до 1453 года).
16. Инквизитор (лат.) – средневековый следователь, не чуждый психологии.
17. Ци Ци-гуан – китайский поэт XVI века; не чета нашему Дон Жуану.
18. Минская династия – династия Мин (1367-1644 гг.), свергнувшая монгольское владычество при помощи Красных войск. Белорусы тут ни при чём.
19. Лютер Мартин – переводчик Библии; отлучён от Церкви за сожжение папской буллы.
20. Сорбона (фр.) – название древнепарижской бурсы.
21. Варфоломеевская ночь – брачная ночь Генриха Наваррского; итог плачевен.
22. Эйдельман – писатель.
23. Епифаний Пустынный – русский монах XVI столетия, автор «Отреченных псалмов».
24. Здесь контаминация, излюбленный приём нервных песнопевцев.
25. Авторство не установлено. Видимо, слова народные. См. также «Жалобы турка» – Лермонтова сочинение.
26. Вероятно, Вильям Шекспир.
27. Гораций (до Р.Х.) – римский поэт и не каждому друг.
28. «O, ruis!» (лат.) – «O, деревня!»; обращение Горация к самому себе при виде собственного памятника.
29. Ипостась (гр.) – у Аристотеля: одна из сущностей; к поэтам отношения не имеет.
30. Всегда см., пожалуйста, «Собрание русских народных сказок» А.Н.Афанасьева.

* * *

Игорю Королькову

Меня никто не ждёт –
Я всюду опоздал,
С насиженных высот
Срывается звезда.
И я на ту звезду
Желанье загадал –
Пусть поезда идут
На праздничный вокзал.
Но там меня не ждут,
Надеждам вопреки,
Лишь прошлым губы жгут
Пропетые стихи

* * *

...подробности добра не разглашай,
и планами не мучь календари...
купи билет на поезд в третий Рим,
сгущая мысль до Бога – не спеша...
в Европе человеческой тоска
свела лицо под проливным дождём,
где белый свет, зажмурясь, молча ждёт
удара неба в области виска.

* * *

Сколько раз он искал
Бессмертной любви, как ветер,
Семь раз женился, и дети
От каждой супруги в миру росли.
Но больше всего огорчался
Не тому, что любви не встретил,
А тому, что его искали
И тоже ведь не нашли.

* * *

1.
Между *не было* и *не стало*
Птица счастья легко порхала.
Через гладь мирового тела
Всё летела, летела, летела.
И свернулся Хаос в калачик,
Нищете не вернули сдачи,
А душа за глухих и незрячих
Отмолилась и тихо плачет!

2.
Бог всю жизнь молчит, а комар – звенит.
Под рукой проплыла гладь живого тела
И ладонью нежной тишину задела,
Оборвав под сердцем тревоги нить...

* * *

Одной строкой о многом промолчать...

* * *

Обмен веществ идёт по вдохновенью!

* * *

Нам касса – свет в окошке!

* * *

Подсел на тишину и ножки свесил.

* * *

Чего я жду от жизни? Вы-ход-ных!

* * *

В суете сует торг уместен!

* * *

Мой жар души дождями затушило.

* * *

Как хорошо дышать на русском языке.

* * *

Мне жизнь к лицу, хотя не по карману!

* * *

Ушёл в себя так далеко, что не вернуться!

* * *

Не зная женскую породу, не суйся в моду!

* * *

Хоть и палач, но всё же – человек!

* * *

Финансовый поток, а счастья нет!

* * *

В самоубийство молчания уходит поэт за поэтом!

* * *

И прирастёт российское могущество стихами!

* * *

Я без вести пропал в твоих воспоминаниях!

* * *

Смотрит телевизор на рабов рекламы.

* * *

Свобода – это рабство минус люди!

* * *

Молчание понятно всем народам!

Запах полыни

И ветер – один, и колос в поле – один. И – крест.

Так — с Великим.

Но невозможное — рядом: «...Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Матф. 5:23-24).

Прими. Позови.

Оставь одного — одним. Все снега растают от света сердца.

Пощечины приводят в чувство, возвращают из чувства.

Горький запах полыни — к декабрю. Обжигает ноздри.

* * *

Мысли, мысли.

— Господи! Вяжите руки мои к кровати — бред. Жар. Пот. Пляска желваков... Выгибается дугой тело, порченное лихорадкой.

В избушке, по колено провалившейся в Преисподнюю, — пол земляной. Дрожит огонёк свечи. Вьюга выдувает тепло. Волчий тулуп вцепился в плечи. — Спать! — мечется над моим лицом чья-то тень.

* * *

...Слышу стук трамвайных колёс по рельсам. Что-то было со мной? Что там было со мной?

Бессонница. Бес—сонница. Очень больно — костыль золотой — в левую ключицу.

— Зачем?

— Люблю!

* * *

— ИЛИ, ИЛИ! ЛАМА САВАХФАНИ? – режет шею гайтан.

Мир по-прежнему хрупок. Внутренний — бездна. Не совладать.

— Воля Твоя да будет! — кадык вверх-вниз. — Не на меня смотри. Она — Мир Твой, Спаситель. Береги её...

Оглавление

Владимир КОСТЫЛЕВ. Слово редактора.	3
Валентин КУРБАТОВ. Глава из книги.	4
Светлана МАЛИКОВА. Отрывок из путевого блокнота.	9
Геннадий БОГДАНОВ. Стихи.	12
Вита ШАФРОНСКАЯ. Новелла.	15
Иван ШЕПЕТА. Стихи.	19
Закия МЕРЦ. Публицистика.	22
Николай ЗИНОВЬЕВ. Стихи.	27
Александр ЕГОРОВ. Публицистика.	30
Светлана ТИМИРГАЛИЕВА. Рассказ.	42
Сергей БАРАБАШ. Рассказ.	43
Татьяна ЛЕДНЕВА. Эссе.	54
Вера КАРАМАН. Стихи.	58
Алиса МУЗЫЧУК. Публицистика.	61
Светлана КЕКОВА. Стихи.	64
О поэтах и канарейках	69
Владимир МОНАХОВ. Стихи.	75
Владимир КОСТЫЛЕВ. Миниатюра.	78

Уважаемые друзья!

В редакции «Литературного меридиана» вы можете приобрести набор красочных буклетов со стихами ведущих авторов нашего издания: Николая Зиновьева, Александра Егорова, Владимира Тыцких, Ивана Шепеты, Валентина Курбатова, Геннадия Богданова, Вячеслава Протасова, Владимира Силкина, Юрия Кабанкова, Эльвиры Кочетковой, а также буклеты Леонида Филатова и Владимира Костылева. Стоимость одного буклета с учетом пересылки – 15 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу издания на имя главного редактора.

Николай ЗИНОВЬЕВ

Испытания
даются
на благо...

Владимир ТЫЦКИХ

Всё,
конечно,
повторится...

Иван ШЕПЕТА

Сыграны
роли...

Владимир СИЛКИН

Только радуся,
только живи...

ПОДПИСКА-2011

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив **почтовым переводом** соответствующую сумму по адресу:

692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.

Ко'стылеву
Владимиру Александровичу.

**3 месяца — 170 рублей,
6 месяцев — 270 рублей,
1 год — 470 рублей.**

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Издание «Литературный меридиан» зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 5 печатных листов.

Тираж 600 экз. (включая эл.версию).

Номер подписан в печать по графику и фактически 26 ноября в 8-00.

Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,

г. Арсеньев, пр. Горького, 1.

Цена свободная.